ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (2444) | Суббота, 31 июля 1948 г. | Цена 40 коп.

Советские железнодорожники

Тринадцать лет назад с трибуны Кремлевского дворца прозвучали вдохновенные слова великого Сталина об огромном государственном значении железнодорожного транспорта нашей страны.

«Существование и развитие нашего государства, — говорил тогда товарищ Сталин, обращаясь к лучшим людям железнодорожного транспорта, приглашенным в Кремль на встречу с руководителями партии и правительства, — ...немыслимо без налаженного железнодорожного транспорта, связывающего громадные области нашей страны в одно государственное целое».

Слова великого вождя и учителя воочию показали железнодорожникам огромное государственное значение их труда, об'яснили каждому труженику транспорта — от стрелочника до руководителя — героический смысл их повседневных творческих усилий. Прием железнодорожников в Кремле был переломной вехой в развитии нашего социалистического транспорта. В ознаменование этого исторического в жизни транспортников события советское правительство установило ежегодный Всесоюзный день железнодорожного транспорта.

Речь великого вождя на приеме железнодорожников явилась сталинской программой под'ема и расцвета социалистического транспорта. Осуществляя указания товарища Сталина, советские железнодорожники уверенно пошли вперед.

В героических делах советского народа весома, ощутима доля труда железнодорожников. Страна вооружила их передовой, первоклассной техникой, ежегодно отпускает колоссальные материальные и денежные средства для повышения технического вооружения стальных магистралей. И железнодорожники, пламенные патриоты своей Родины, служат верой и правдой советскому народу!

В годы сталинских пятилеток железнодорожники перевезли сотни миллиардов тонн грузов, которые воплотились в корпуса и оборудование гигантов-заводов, в новые социалистические города. За годы советской власти транспортники построили свыше пятидесяти тысяч километров новых дорог, проложили стальные трассы в песках пустынь и в дремучих лесах, в тундре и в зоне вечной мерзлоты, приобщили к экономической и культурной жизни страны громадные территории веками безлюдных районов. Плановое социалистическое размещение производительных сил, расцвет хозяйства и культуры союзных и автономных республик, преодоление вековой противоположности между городом и деревней — все это было бы немыслимо без мощного, бесперебойно действующего транспорта, без героического труда армии железнодорожников.

Как и вся наша страна, советский железнодорожный транспорт, взращенный социалистическим строем, с честью выдержал тяжелые испытания Великой Отечественной войны. К фронту, к передовым линиям, на передний край ожесточенных сражений бесперебойно шли эшелоны с грозной боевой техникой, боеприпасами, резервами. Железнодорожники доблестно сражались с врагом, поддерживали беспрерывную связь фронта с тылом, строили новые дороги. Сила, величие, несгибаемый дух, животворный патриотизм советских людей, руководимых партией Ленина—Сталина, ярко проявились в том, что еще в ходе войны развернулось широким фронтом возрождение разрушенных врагом дорог. Восстановители принимались за работу немедленно, как только освобождались от немецко-фашистских оккупантов новая станция, новый перегон.

Сейчас восстановительные работы на железных дорогах подходят к концу. Через многоводные, широкие реки перекинуты гирлянды новых мостов, на месте сожженных и взорванных врагом железнодорожных станций, вокзалов, поселков выросли новые, еще более красивые, монументальные и удобные, чем до войны, здания.

Празднуя вместе с железнодорожниками день их трудовой славы, профессиональной гордости и чести, советский народ обращает внимание транспортников на многие еще не решенные задачи. Вся наша страна, весь народ—в трудовом наступлении! Идет великое сражение за пятилетку в четыре года. Железнодорожники должны постоянно держать открытыми светофоры для беспрепятственного, все убыстряющегося движения вперед нашей экономики. Грузить 115 тысяч вагонов в сутки—вот задание страны транспорту на последний год послевоенной пятилетки. Даже в годы наивысшего под'ема железные дороги не перевозили столько груза. Задача поставлена большая, трудная, но почетная. Она будет успешно выполнена, если железнодорожники поднимут культуру работы, повысят организованность, укрепят дисциплину, ответственность каждого работника за порученное дело. Темп, быстрота в работе железнодорожника—решающий фактор, творцы движения — наши транспортники—должны помнить, что, чем быстрее доставляются грузы, тем учащеннее бьется пульс народнохозяйственной жизни страны.

Каждый день «на колесах», в десятках и сотнях тысяч вагонов находятся миллионы тонн продукции. Это результат труда миллионов советских людей. Страна доверяет его железнодорожникам в твердой уверенности, что в пути не пропадет ни один килограмм хлеба, что грузы не погибнут от руки разгильдяя-аварийщика. Дорожить доверием народа, проявлять большевистскую бдительность — святая обязанность железнодорожников.

К услугам железнодорожного транспорта прибегают миллионы советских людей. Ни в одной стране мира нет таких дальних пассажирских маршрутов, как у нас в СССР, — советские пассажиры проводят в вагонах поезда не часы, а многие дни. Надо установить высокую культуру в обслуживании пассажиров. Советский рабочий, колхозник, интеллигент имеют право на внимание, заботу, приветливую встречу железнодорожниками на вокзале и в пути. Пусть пассажиры и железнодорожники будут добрыми друзьями, а пока так бывает не всегда, не на всех станциях, не на всех дорогах.

Трудовые будни железнодорожников, их созидательный труд еще слабо отражены в нашей художественной литературе, в драматургии, в живописи, в кино. Пока еще не созданы значительные произведения о послевоенном советском транспорте, нет ярких, запоминающихся образов героев-железнодорожников.

Героические дела транспортников в период Великой Отечественной войны нашли художественное воплощение в благородном образе Константина Заслонова — руководителя партизан-железнодорожников станции Орша. Надо, чтобы наши прозаики, поэты, драматурги, сценаристы создали яркие образы Заслоновых мирного времени, чтобы произведения советского искусства вдохновляли железнодорожников в борьбе за укрепление и расцвет нашей любимой Родины, великой железнодорожной державы.

НА БОЛЬШИХ ПУТЯХ

Академик В. Н. ОБРАЗЦОВ

Великая железнодорожная держава... Мы законно гордимся тем, что так называют нашу великую родину. О роли и значении железных дорог в жизни советской страны говорилось не раз и писалось немало, но никогда не исчерпывались до дна глубина и богатство этой темы. Классическую и единственно всеоб'емлющую оценку значения железных дорог в Советском Союзе дал наш великий вождь. Товарищ Сталин определил значение железнодорожного транспорта для существования и развития нашего государства, как решающее: «СССР как государство был бы немыслим без первоклассного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы».

Мы с гордостью называем свою страну **родиной железных дорог.** Это обстоятельство долго замалчивалось не только за границей, но даже в отечественной литературе. Теперь с достоверностью установлено: не в Западной Европе, а на Урале и в других промышленных районах России возникли первые железные дороги. Еще в 1788 году были проложены под'ездные железнодорожные пути к Олонецким заводам. В 1810 году на Колывано-Воскресенских заводах талантливый русский инженер Петр Фролов построил чугунную дорогу — это было на 17 лет раньше, чем в Америке, и на 13 лет раньше, чем во Франции. Первая русская железная дорога с паровой тягой появилась на Урале еще в 1834 году.

Наша страна является также **родиной железнодорожной науки.** В Европе развитие железных дорог шло наощупь, практики отвергали всякую возможность научного подхода к решению технических проблем транспорта. Русская наука, отличавшаяся стремлениями к широким обобщениям, показала миру образец правильного использования достижений теории для технического прогресса на железных дорогах. Мы с благодарностью вспоминаем корифеев русской железнодорожной науки: Д. И. Журавского — автора первого теоретического исследования в области строительства мостов, Н. П. Петрова — создателя гидродинамической теории трения, Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина, занимавшихся и теорией пуска поездов, и проблемами борьбы со снежными заносами, и вопросами смазки, а также многими другими теоретическими и практическими вопросами. Инициатором постройки первого в мире тепловоза и внедрения его на железные дороги был великий Ленин. Отметим, между прочим, что первый американский тепловоз был скопирован с нашего советского. В условиях советского планового хозяйства возникла и развилась наука об эксплоатации железных дорог. У нас родилась теория и методика точного теплового расчета паровоза и т. д.

Железные дороги на большие расстояния стали строиться в России около ста лет назад. Автор этих строк работает 53 года на транспорте. Таким образом, половина всей истории наших железных дорог прошла на моих глазах. Мне знакомы и нравы частных дорог, и порядки, господствовавшие на «казенных». В страшных условиях вопиющего самодурства и полицейского произвола жил и трудился русский железнодорожник. Безрадостны были его дни, уныло и грустно тянулось время на станциях и раз'ездах.

Об унылой жизни работников железнодорожных станций в царской России рассказывал Максим Горький. В обстановке безысходной тоски жили обитатели и другой станции, описанной А. П. Чеховым в рассказе «Шампанское». Не знали радости труда машинист Григорий Григорьев (Н. Гарин-Михайловский — «На практике»), путевые сторожа Семен Иванов и Василий Спиридонов (В. Гаршин — «Сигнал»), стрелочник Иван Пелипасов (А. Серафимович — «Стрелочник»), не знали ее сотни тысяч других тружеников, изо дня в день тянувших тяжелую служебную лямку, не видевших впереди ни просвета, ни облегчения.

И теперь, вспоминая все виденное и пережитое за полвека на транспорте, ощущаешь, до каких высот мы поднялись! Техника сделала гигантский скачок вперед, возросла скорость движения, составы стали тяжеловесными, пропускная способность магистралей намного увеличилась. Но самое значительное достижение транспорта за советские годы—это люди, работающие на наших железных дорогах. Железнодорожников новой, советской формации не с кем сравнивать ни в прошлом, ни с людьми за рубежом. В нашей стране сын столяра Славянского депо машинист Петр Кривонос стал начальником округа и успешно руководит пятью важнейшими дорогами страны. У нас бывший машинист Василий Богданов и в прошлом диспетчер Николай Закорко являются начальниками дорог.

На советских дорогах работают сотни и тысячи машинистов с подлинно инженерным кругозором, новаторы в своем деле, прокладывающие новые пути в теории и практике вождения поездов. Наши машинисты, составители, диспетчеры выступают с обширными докладами на заседаниях ученых советов институтов, их достижения и производственный опыт становятся темами серьезных научных исследований.

Мы, ученые, уже внесли и продолжаем вносить существенные поправки в многие учебники и книги, пересматривая старые положения в свете новых достижений стахановцев-кривоносовцев. Мне известны примеры подлинной творческой дружбы стахановцев и ученых. Появился на транспорте и новый тип рабочего и новый тип ученого.

Железнодорожники уверенно набирают темпы, они добиваются, чтобы задача, поставленная пятилетним планом, — в 1950 году грузить ежесуточно по 115.000 вагонов — была выполнена досрочно. Железнодорожники чувствуют заботу и внимание всей страны и понимают, что они работают на ответственном посту. Почти шестую часть всех капиталовложений страны в этой пятилетке, более 40 миллиардов рублей, получает транспорт. В течение пятилетки многие тысячи километров железнодорожных путей будут восстановлены и заново построены.

Миллионы кубометров земли успели вынуть экскаваторы на трассе Южно-Сибирской магистрали. Эта крупнейшая стройка новой пятилетки свяжет кузнецкие угли с металлургией Южного Урала, пройдет через малоосвоенные районы Сибири и Казахстана и даст выход их несметным богатствам. Уже пробились поезда через знаменитое Боомское ущелье и достигли берегов озера Иссык-Куль. Народной стройкой об'явили трудящиеся Туркменистана и Узбекистана сооружение линии Чарджоу—Кунград, приобщающей хлопководческий Хорезмский оазис к сети железных дорог.

Эта величественная панорама строительства точно так же, как и повседневный неустанный труд железнодорожников на действующих линиях, ждет своего яркого и правдивого показа в произведениях советской литературы и искусства. Но железнодорожники, к сожалению, редко видят писателей на стройках магистралей, в депо, на станциях, в путейских околотках.

Я пишу эти строки не только потому, что во мне говорит чувство обиды за людей родного мне транспорта. Я говорю, как рядовой читатель, кровно заинтересованный вместе со всеми советскими людьми в расцвете нашей литературы. На железных дорогах некогда существовала «полоса отчуждения». Транспорт, его люди считались как бы обособленными от всего, что происходило вокруг. Эта традиция сломана, советские железнодорожники являются активными, инициативными борцами за успехи республик, районов и областей в целом, они живут полнокровной жизнью всей советской страны. Но не ошибусь я, если скажу, что пресловутая «полоса отчуждения» живет в представлении некоторых наших литераторов, которые несмело берутся за темы, связанные с транспортом. Это очень обидно. Страдают от этого литераторы, которые сами себя лишают острых и интересных тем, наполненных яркими событиями. Страдают от этого читатели.

Опыт неутомимой М. С. Шагинян показывает, что может сделать писатель, если он активно вторгается в жизнь, а не пытается наблюдать ее только из окон своего кабинета. В Башкирии Мариэтта Сергеевна познакомилась с изыскателями, которые должны были определить направление трассы Магнитогорск—Куйбышев. Существовало три варианта этой будущей дороги. Министерство путей сообщения склонялось к «южному варианту», удешевлявшему, на первый взгляд, строительство на 130 миллионов рублей и снижавшему ежегодные эксплоатационные расходы на 10 миллионов рублей. Но М. С. Шагинян, заинтересовавшись спором между отдельными группами изыскателей, не осталась в стороне от него. Убедившись, что «северный вариант» развязывает производительные силы богатых районов Южного Урала и Башкирии, она страстно включилась в этот спор специалистов. И в конечном счете победил «северный вариант». Дорога будет построена — металлурги Белорецка, горняки Зигазино-Комаровских рудников, жители Стерлитамака и многих других городов и сел получат новую усовершенствованную и электрифицированную дорогу и будут с любовью и благодарностью помнить об энергичном и неугомонном поборнике «северного варианта» — писателе М. С. Шагинян. В книге «По дорогам пятилетки» глава «Выбор варианта» занимает всего 9 страниц, но у этих страниц большая и славная судьба.

Пытливый ум писателя найдет интересные, захватывающие темы во всех отраслях транспорта. Возьмем хотя бы проблему электрификации железных дорог. К концу пятилетки протяженность электрифицированных дорог составит более семи тысяч километров и наша страна выйдет по электрификации на первое место в мире. По предварительным подсчетам, лет через двенадцать протяженность электрифицированных дорог достигнет 35—40 тысяч километров. И вот уже сейчас мысль ученых транспорта занята вопросами энергетики. Заманчиво об'единить народное хозяйство и транспорт единой электрической сетью. Имеется ряд других интересных предложений, и за каждым из них стоят люди — советские ученые, изобретатели, конструкторы, стахановцы, любящие свое дело, отдающие ему все свои силы, люди, воспитанные на новых традициях.

Уже сейчас некоторые участки оборудованы автостопами. Возникает ныне вопрос и об использовании радиотехники на транспорте. На некоторых паровозах установлены радиостанции, и машинист поддерживает двухстороннюю радиосвязь с диспетчером. В перспективе значительное внедрение автоматики и телемеханики. Я говорю здесь о предметах сугубо технических, но имею в виду людей, которые двигают эти проблемы, людей, представляющих большой интерес для литературы.

Стахановское движение на транспорте выдвинуло задачу, казавшуюся теоретикам неразрешимой, — ликвидировать разрыв между «технической скоростью» и «коммерческой». На общепонятном языке это означает: поезд на участке нигде не должен стоять, он должен быть всегда в движении! Успехи в этом направлении у нас велики, и за каждым повышением «коммерческой скорости» кроется большой и кропотливый творческий труд тысяч железнодорожников-машинистов, отменяющих остановки для набора воды и чистки топок, диспетчеров, выкраивающих в графике «зеленые улицы», и т. д. На передовых станциях внедряется единый технологический процесс. Железнодорожники и работники промышленности работают по единому графику, добиваясь ритмичности и слаженности. Не все идет гладко в этом большом и важном деле. Вдумчивый писатель, присмотревшись к жизни хотя бы одного коллектива, внедряющего единый технологический процесс, заметил бы острую, принципиальную схватку нового со старым, непримиримую борьбу с местническими тенденциями, наступление передового на отсталое. Здесь можно наблюдать конфликты, имеющие все основания стать темой актуальных и животрепещущих произведений, в которых действовали бы живые люди, одаренные недюжинной энергией и целеустремленностью, воспитанные в новых традициях.

И мы вправе надеяться, что «полоса отчуждения», отмененная жизнью, будет очень скоро ликвидирована и в литературе, и новые традиции советских железнодорожников будут отражены в романах и повестях, очерках и рассказах.

За мичуринскую биологическую науку!

Сегодня открывается очередная июльская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Ей предстоит обсудить и решить ряд важных вопросов.

Недавно по решению правительства академия пополнилась 35 новыми действительными членами. Это видные советские ученые. Их имена известны не только научной общественности, но и миллионному колхозному крестьянству. Это новаторы-ученые. Они идут по мичуринскому пути в разработке теоретических вопросов агробиологии и в практическом ее применении. Приход в академию нового отряда ученых-мичуринцев укрепит ее и усилит исследовательскую работу, направленную на дальнейший расцвет советской биологической науки и под'ем социалистического сельского хозяйства.

Советская общественность уверена в том, что Всесоюзная сельскохозяйственная академия им. Ленина станет подлинным центром мичуринской агробиологии.

Сейчас в советской биологической науке идет острая борьба между старым и новым, между прогрессивным и реакционным направлениями. В этой борьбе столкнулись передовое материалистическое, созданное великим преобразователем природы И. В. Мичуриным, направление и отсталое, идеалистическое, идущее по пути менделевско-моргановской школы.

Мичуринское направление в биологии, опираясь на принципы диалектического материализма, творчески двигает вперед эту важную отрасль науки, решительно отбрасывая устаревшие каноны и ошибочные положения. Советская мичуринская сельскохозяйственная наука улучшает старые и создает новые формы растений и новые породы животных. Она тесными узами связана с практикой социалистического сельского хозяйства.

Противники мичуринцев, представители так называемой формальной генетики, раболепствуя перед реакционной буржуазной биологией, исходят из ложных, антинаучных представлений о неизменности наследственных свойств организмов, о фактической невозможности активного воздействия на природу растений и животных и изменения их на пользу человека.

Учение И. В. Мичурина является новым этапом в развитии биологической науки. И. В. Мичурин первый разработал научные основы преобразования растительного мира, создания новых, нужных человеку, форм растений.

— Мы можем и должны вмешиваться в действия природы, — указывал он.

В течение длительного времени консерваторы от науки пытались замолчать работы Мичурина, принизить огромное теоретическое и практическое значение его трудов. Это не удалось им. Ученики и последователи Мичурина и особенно Т. Д. Лысенко, разбив теоретические основы менделизма-морганизма, отстояли и развили дальше мичуринское учение.

Дела мичуринцев видны всей стране.

Двухсотпудовые урожаи пшеницы с гектара подмосковных полей; озимая пшеница в Сибири; виноградные лозы в Подмосковье, на Владимирской и Тульской земле; томаты в нечерноземной полосе, вызревающие без теплиц; фруктовые сады на Алтае; возрождение картофельной культуры на юге, и многие, многие другие разительные изменения в сельскохозяйственной практике — плоды трудов ученых-мичуринцев, возглавляемых президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Т. Д. Лысенко.

А что же дали те, кто выступает против школы Т. Д. Лысенко? «Фолианты» псевдоученых схоластических рассуждений и умозрительных, оторванных от жизни выводов. Что еще другое можно сказать о трудах академика И. Шмальгаузена, о работах проф. Дубинина, Серебровского, Формозова и других?

Мичуринское направление в биологической науке — подлинно передовое. Мичурину принадлежит будущее.

Открывающаяся сегодня сессия Академии сельскохозяйственных наук явится исторической вехой в развитии советской агробиологической науки.

Пожелаем же нашим передовым ученым плодотворной работы!

Символ братской дружбы

ВЫСТАВКА ИЗДЕЛИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В МОСКВЕ

В связи с открытием в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького выставки чехословацкой легкой промышленности, находящийся в Москве министр промышленности Чехословакии г-н Августин Климент рассказал сотруднику «Литературной газеты» об индустриальном развитии республики.

— Экспонаты выставки, — говорит министр, — и по широте ассортимента и по качеству их могут служить свидетельством успешного выполнения промышленностью нашей страны двухлетнего плана.

За каждым из предметов, представленных на выставочных стендах, раскрывается рост и развитие предприятий, ныне принадлежащих народу. Вот мотоциклы — они изготовлены на заводах Збраёвка, не производивших ранее таких машин. Рядом — малые мотоциклы. Они изготовлены на новых заводах Словакии, индустриализация которой предусмотрена двухлетним планом.

— Исключительно важным моментом, характеризующим состояние чехословацкой промышленности,—говорит далее г-н Климент, — является то, что плановая производительность превышается из месяца в месяц. Особенно ярко сказался этот процесс после того, как от руководства страной были отстранены враждебные элементы и у власти стали подлинные представители национальных интересов чехословацкого народа. Рабочий класс ответил на это событие принятием встречных планов, значительно превышающих государственные. Выполнение встречных обязательств даст стране дополнительную продукцию на 20 миллиардов чешских крон. Крупнейшие обувные предприятия в гор. Злине — бывшие заводы Батя — обязались закончить годовой план к 28 октября. Судя по нынешнему состоянию производства, обязательство это будет выполнено.

— Национализация промышленности вызвала среди трудящихся исключительный энтузиазм, стремление делать больше и работать лучше, — говорит г-н Климент.— Труд у нас, как и в СССР, становится делом чести. Наиболее уважаемыми людьми являются в стране «богатыри труда» — так называют в Чехословакии лучших производственников. Некоторые из них, в виде особого поощрения, командированы в Москву для обслуживания выставки.

— Рост и расцвет чехословацкой промышленности, — заявил в заключение г-н Климент, — неразрывно связаны с укреплением экономических отношений между Чехословацкой республикой и Советским Союзом. Можно с уверенностью сказать, что тесные экономические связи с СССР являются существенным элементом дальнейшего расцвета хозяйства республики. Трудящиеся моей страны не забыли, что уже вскоре после того, как Чехословакия была освобождена Советской Армией, еще до подписания торговых договоров, из Страны Советов уже шло сырье для наших предприятий, сырье, без которого не могло бы начаться возрождение чехословацкой промышленности. В нашем экспорте Советский Союз занимает первое место. Мы уверены, что в дальнейшем экономические и культурные связи между нашими странами еще более расширятся и окрепнут. Выставка, открытая в Москве, является одним из этапов на пути дальнейшего развития этих связей.

Колхозники—студенты заочных вузов

Как нам сообщили в Министерстве высшего образования СССР, на заочных отделениях сельскохозяйственных вузов страны обучается 6.400 человек. Среди студентов-заочников — председатели колхозов, овощеводы, участковые агрономы, животноводы, сельские электрики, механики, директоры МТС.

Председатель колхоза им. Молотова, депутат Верховного Совета СССР Ф. Гринько считается в Алтайском крае одним из самых опытных в сельском хозяйстве специалистов-практиков. Однако и его не удовлетворяют практические знания. Вот уже второй год он учится на агрономическом факультете Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования.

На пятом курсе этого же института обучается председатель крупнейшего в Тульской области колхоза С. Ханеев. Помимо колхозников среди студентов-заочников есть немало специалистов колхозной деревни. Так, на четвертом курсе вуза, где учатся тт. Гринько и Ханеев, повышает свои знания и участковый агроном Н. Химулин из Сумской области. Студент-заочник А. Угольков, имея среднее агрономическое образование и работая агрономом в колхозе, овладевает второй специальностью — он кончает зоотехнический факультет.

Магнитка цветной металлургии

Так называют Большой Джезказган — крупнейший в Советском Союзе строящийся комбинат медной промышленности. Он даст меди значительно больше, чем все медеплавильные заводы Урала. Медь эта будет высококачественной и самой дешевой в стране.

Рудоносная площадь в Джезказгане простирается на сотни квадратных километров.

В начале XX века английские концессионеры, проникнув в Казахстан, хищнически эксплоатировали богатства Джезказгана, выбирая из недр земли самую богатую и близколежащую руду. Теперь и следа не осталось от английских примитивных шахтенок. Рудники оборудованы первоклассной техникой. Бурение, например, производится усовершенствованными перфораторами, породу поднимают скреперные лебедки, каждая из которых заменяет ручной труд многих уборщиков. Экскаваторы, десятитонные автосамосвалы, мощные электровозы — все это облегчает труд рабочих и многократно повышает производительность.

Сейчас сооружается обогатительная фабрика, которая по своим размерам и техническому оснащению превзойдет подобные предприятия ведущих комбинатов цветной металлургии. Одновременно ведется строительство мощной электростанции. Создаваемое здесь же водохранилище обеспечит водой не только промышленность, но и оросит колхозные поля.

Вблизи будущего водохранилища раскинулся новый Джезказган. Он разрастается с каждым днем: отстраиваются жилые дома, школы, клуб, больница, детские ясли, озеленяются улицы. К моменту вступления в строй комбината город будет готов принять многотысячную армию металлургов.

Антология туркменской поэзии

Государственное издательство художественной литературы выпускает антологию туркменской поэзии. Она ознакомит читателей с поэтической культурой туркменского народа от древнейших времен до наших дней.

Антология открывается произведением древнейшего туркменского эпоса — «Книгой деда Коркуда». Двенадцать сказаний этой «Книги» повествуют о героях, вдохновляемых мудрым старцем Коркудом на ратные подвиги, отражают быт и нравы туркменских племен и соседствовавших с ними народов того времени.

Отрывки из героического эпоса «Гёр-оглы» рассказывают читателю о приключениях и подвигах смелого витязя, защитника слабых и угнетенных. Герой этого эпического дестана (особая форма стихотворного романа) широко популярен не только у туркмен, но и у других народов Средней Азии и Кавказа — узбеков, таджиков, азербайджанцев.

«Шасенем и Гариб», «Асли и Керем» и «Мелике Диларам» — популярные любовно-лирические дестаны XVII—XVIII веков — также вошли в новую антологию. Широко представлена в ней и классическая поэзия Туркмении, начиная с ее основоположника Дуалет-Мамеда Азади. Он известен сборником назидательных притч и дидактических стихотворений «Вагзи-Азад». Творчество сына Азади — Махтума Кули знаменует расцвет классической туркменской поэзии. Его поэтическое наследие — поэмы, философские, сатирические, публицистические и назидательные стихи — насчитывает двадцать тысяч стихотворных строк и составляет национальную гордость туркменского народа. Творчество Махтума Кули занимает значительное место в издающейся антологии.

В книге приведены также произведения поэтов Зелили и Сеиди, сатирика Кемине, мастера любовной лирики Молла Непеса, который был известен и как музыкант-бахши, слагавший мелодии к своим стихам.

Народные песни и песни народных шахиров, начиная от старейшего певца советской Туркмении Байрам Шахира, составляют третий раздел книги.

Советская поэзия представлена произведениями двадцати современных поэтов: Берды Кербабаева, Караджа Бурунова, Якуб Насырлы и других.

Произведениям туркменской поэзии предпосланы статьи члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Е. Бертельса и П. Скосырева. Составители антологии: Б. Карыев, М. Косаев и Д. Халдурды.

Книга молодых моряков

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.). Курсанты одного из старейших в стране Ростовского мореходного училища им. Г. Я. Седова готовят к печати книгу. Будущие капитаны дальнего плавания, штурманы и механики отобразят в коллективном литературном труде историю своего училища.

Во второй части книги молодые моряки расскажут о своих впечатлениях об учебном плавании, во время которого они побывали в Норвегии, Египте, Индии, у берегов Южной Америки.

Работой молодых моряков над книгой руководит Ростовское отделение Союза советских писателей.

Проф. В. ШЕВКИН

Чужая тень

«Литературная газета» справедливо критиковала Академию педагогических наук за отставание от жизни. Но нельзя думать, что в академии — абсолютный застой теоретической мысли. Нет, здесь, как и на других участках идеологического фронта, идет борьба между новым и старым, борьба с пережитками буржуазной идеологии в педагогике.

Чужая тень лежит на некоторых научных трудах академии. Безидейность, аполитичность, об'ективистский подход, проявление низкопоклонства перед буржуазной педагогикой и по сей день зачастую бытуют во многих педагогических работах.

Товарищ Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорил: «Если мы хотим повернуть внимание нашего актива к вопросам идеологической работы и навести здесь порядок, дать ясное направление в работе, мы должны остро, как подобает советским людям, как подобает большевикам, раскритиковать ошибки и недостатки идеологической работы. Только тогда мы сумеем поправить дело».

Это важнейшее указание не выполнено руководящими работниками институтов академии. Они не возглавили борьбу с пережитками буржуазной идеологии в педагогике, не развернули внутри институтов большевистской критики и самокритики. После опубликования постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и выступления тов. А. А. Жданова на философской дискуссии не появилось ни одной серьезной статьи, в которой вскрывались бы с большевистской непримиримостью вопиющие ошибки ряда педагогических работ.

И все-таки борьба не могла не разгореться. При обсуждении учебников Е. Н. Медынского «История педагогики», проф. П. Н. Шимбирева и проф. И. Т. Огородникова «Педагогика» в ряде выступлений совершенно справедливо было отмечено нарушение этими авторами принципа партийности педагогической науки, раболепие перед буржуазной педагогикой.

На дискуссии отмечалось, что в этих книгах рассматриваются педагогические учения вне связи с породившими их общественными отношениями, не вскрывается классовая сущность взглядов педагогов прошлого, механически переносятся те или иные теории из одной эпохи в другую. История педагогики у них превращается в эволюционную смену педагогических систем.

Авторы учебников не пожелали признать справедливость этих критических замечаний и отстаивали свои позиции. А на дискуссии по учебнику Медынского многие научные работники — Эфиров, Шимбирев, Жураковский, горячо восхваляя учебник, по существу заглушали партийную критику.

Между тем, в книгах, подвергнутых справедливой критике педагогической общественностью, широко распространен взгляд, что принципы воспитания, выработанные педагогикой прошлого, сохраняют свое значение для советской школы. Эту точку зрения, в частности, проводит Е. Н. Медынский в главах своего учебника о Коменском, Песталоцци и других.

О чешском педагоге XVII века Коменском в учебнике Медынского «История педагогики» сказано в эпическом, бесстрастном тоне: «Коменский выдвинул целый ряд дидактических принципов и формулировал, исходя из них, много дидактических правил, до сих пор сохраняющих свою ценность» (стр. 85). Для своего времени Коменский был прогрессивным деятелем буржуазной школы, но его «правила», основанные на его «принципах», связаны с религиозными взглядами. Они не могут быть полностью приняты советской педагогической наукой. Идеализирует проф. Медынский и педагогические принципы Песталоцци.

О представителе прусской аристократической реакции Гербарте в учебнике написано: «Положительными чертами педагогики Гербарта являются тесная связь педагогики с психологией, высокая оценка школы и обучения, принцип воспитывающего обучения, систематичность обучения, требование развития многостороннего интереса». Медынский весьма щедро и далее перечисляет заслуги Гербарта, не давая критической оценки этих положений. А между тем, все острие педагогических взглядов Гербарта было направлено против революционных для своего времени идей французских материалистов.

«Прогрессивным в своей основе является учение Руссо и Спенсера о дисциплине», — пишут И. Т. Огородников и П. Н. Шимбирев («Педагогика», стр. 271). Авторы забывают, что взгляды Спенсера, апологета капитализма, ярого врага социализма, питают современную буржуазную педагогику. Вся педагогическая система Спенсера основана на биологических законах борьбы за существование, на незыблемости и вечности капиталистического строя.

Не спенсеровские ли идеи о «дисциплине» вдохновляли в английском парламенте законодателей телесных наказаний, которые сохранились в этой стране «демократии» и по сей день?

Как видим, ошибки профессора Медынского и профессоров Огородникова и Шимбирева одного и того же порядка. Что означает все это, как не отказ от принципа партийности в науке!

Вслед за ошибками книги тов. Александрова, осужденными на философской дискуссии, наши историки педагогической науки выступают как проповедники «беззубого вегетарианства по отношению к философским противникам, представляющего безусловную дань профессорскому квази-об'ективизму, тогда как марксизм возник, вырос и победил в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического направления» (А. Жданов).

Дискуссия в Академии педагогических наук по книге проф. Медынского проходила значительно позже философской дискуссии. Тем более удивительно, что уроки ее не были учтены.

Однако в книге проф. Медынского можно найти и более разительные примеры безидейности и самого неразборчивого отношения к борьбе за чистоту марксистской педагогики.

В разделе о буржуазной педагогике конца XIX—начала XX веков Е. Медынский говорит о целом ряде «положительных» сторон «теории» махрового глашатая современной американской идеологической реакции — Дьюи (стр. 266—67).

Дьюи проповедует суб'ективно-идеалистическую философию, он — идеолог современной американской школы прагматистов-инструменталистов.

В педагогике Дьюи проповедует глубоко антинаучный взгляд, что сущность воспитания заключается в видоизменении врожденных потребностей, свойств и инстинктов человека. В книге «Человеческие проблемы», опубликованной в 1946 году, Дьюи подкрепляет свои разглагольствования ссылками на лютого врага прогрессивного человечества, одного из идеологов фашизма — Муссолини...

Задача советских педагогов — беспощадно разоблачать реакционную сущность современной американской педагогики, вождем которой является Дьюи. Между тем, в ряде работ, в том числе в книге Медынского, настойчиво проводится мысль, что многие положения Дьюи прогрессивны, полезны.

Что означает все это, как не рецидив профессорского «беззубого вегетарианства»!

Можно ли теперь удивляться тому, что и в майском номере журнала «Советская педагогика» член-корреспондент академии проф. Г. Е. Жураковский, дипломатически ссылаясь на авторитет того же Медынского, пишет:

«Всякую, даже совершенно неприемлемую для нас педагогическую систему следует излагать так, чтобы костяк образующего ее фактического материала был бы возможно точнее доведен до сведения читателей или слушателей».

Это и есть открытый призыв к об'ективистскому освещению истории педагогики, к «точной», некритической пропаганде буржуазных теорий!

* * *

Конечно, в академии есть научные работники, которые знают жизнь советской школы, правильно видят перспективы развития педагогической науки, смело ставят новые актуальные вопросы, активно борются против пережитков буржуазной педагогики. Но часто, слишком часто они наталкиваются на упорное сопротивление академических рутинеров!

Так произошло, например, с докладами старшего научного сотрудника Н. А. Петрова о связи советской школы с политикой партии большевиков, о сущности коммунистического воспитания. Действительный член академии Е. Н. Медынский, член-корреспондент Г. Е. Жураковский в своих выступлениях говорили о педагогике «вообще», об абстрактных педагогических вопросах, обойдя совершенно молчанием поставленные в докладах жгучие проблемы теории и практики советской школы.

В диссертации Н. А. Петрова «О сущности и основных принципах коммунистического воспитания в советской школе» дана обстоятельная критика с марксистско-ленинских позиций ошибочных положений ряда педагогических работ, выясняется характер закономерностей и основных принципов коммунистического воспитания в советской школе. За эту диссертацию Н. А. Петрову присуждена докторская степень. Но весьма показательно, что на защите, кроме официальных оппонентов, лишь один из действительных членов академии — проф. И. Ф. Свадковский поддержал диссертанта. Заместитель директора института по научной части, член-корреспондент академии П. А. Рудик, который, казалось бы, должен был дать определенную оценку работы молодого ученого, дипломатично молчал. За «молчальников» откровенно высказался проф. С. И. Белоусов: он решительно забраковал всю диссертацию и яростно защищал как раз те ошибочные положения трудов по педагогике, которые тов. Петровым были подвергнуты большевистской критике.

При защите Е. П. Ереминой (гор. Орел) диссертации о педагогических идеях трилогии А. М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»), диссертации, основанной на двухлетнем изучении опыта передовых учителей, возник «принципиальный» спор — можно ли вообще создать научный труд на тему о педагогических идеях Горького. По мнению проф. Медынского, кандидатскую диссертацию о педагогических идеях Горького написать можно, а докторскую — никак нельзя. Проф. Жураковский был куда строже: и кандидатскую диссертацию о педагогических идеях великого писателя создать невозможно. Конечно, если бы молодой ученый Е. П. Еремина написала диссертацию о педагогических взглядах Августина — IV—V век (тема одного из докладов в Институте теории и педагогики проф. Жураковского), то ей была бы некоторыми рутинерами уготована более радушная встреча.

Товарищ Жданов обращал внимание на то, что «философская деятельность оказалась как-то монополизирована в руках небольшой группы философов, а большая часть философов, особенно провинциальных, не привлечена к руководящей работе». Совершенно такое же положение и в педагогике! Все основные учебники, сборники по истории педагогики пишут в течение многих лет одни и те же ученые. Хотя в этих работах есть серьезные методологические ошибки, они беспрепятственно издаются. Почему? Да потому, что члены академии рецензируют труды друг друга, дают друг другу отзывы, рекомендации и т. д. Между ними существуют многолетние приятельские отношения, мешающие развертыванию творческой критики и самокритики.

* * *

Необходимо перестроить работу академии, решительно, смело двинуть вперед советскую педагогическую науку. Для этого надо раз и навсегда порвать с традициями «чистой науки», академическим «об'ективизмом», развернуть большевистскую критику и самокритику, привлечь к научной работе лучших учителей и передовых научных работников страны, последовательно, настойчиво бороться против пережитков буржуазной педагогики, за развитие советской марксистско-ленинской педагогической науки.

О „конвейере диссертаций"

В № 50 «Литературной газеты» была опубликована в порядке обсуждения статья «Конвейер диссертаций» лауреата Сталинской премии члена-корреспондента Академии наук СССР Я. Френкеля и доктора медицинских наук Э. Конюс. В этой статье авторы указывали на ряд серьезных недостатков в подготовке научных кадров и присуждении ученых степеней и поставили вопрос о необходимости внести изменения в существующий порядок.

Статья эта вызвала многочисленные отклики наших читателей. Некоторые из них публикуются ниже.

Устаревший порядок

Установившаяся практика присуждения ученых степеней, несомненно, требует существенных коррективов. Я, однако, не склонен считать, что случаи недобросовестного отношения к делу как со стороны диссертанта, так и его оппонентов являются чем-то типичным, внушающим тревогу.

Через мои руки за последние 2—3 года прошел не один десяток диссертаций, но среди них не было ни одной, заслуживающей подобного упрека. Должно внушать тревогу не все увеличивающееся в нашей стране число кандидатов и докторов наук (это как раз отрадное явление), — вреден формализм самих процедур соискания и присуждения ученых степеней.

Защита—по идее публичный диспут — превратилась в ритуал, отдельные этапы которого в корне противоречат самой идее. Диссертант не только заранее получает официальные отзывы о своей работе, но подчас сам подыскивает себе оппонентов. Таким образом, он может быть вполне спокоен: с этой стороны ему опасность не грозит.

Что же остается от диспута? Выступления из «публики»? Но могут ли быть серьезны высказывания о работе, только что наспех прослушанной или просмотренной тут же на заседании? Ради чего же, спрашивается, приводится в действие весь сложный механизм защиты?

Что, в сущности, доказывает вотум ученого совета при таких обстоятельствах, особенно, если защита происходит, как это чаще всего и бывает, в «своем» учреждении или вузе?

Несомненно, что существующий порядок почти на всех своих этапах устарел и не дает гарантии полной об'ективности.

Мои предложения сводятся к следующему.

Диссертацию должен рекомендовать к защите ученый совет того научно-исследовательского института или вуза, в котором работает соискатель и куда он представил свою работу на апробацию. После этого работа посылается в Высшую аттестационную комиссию (ВАК).

При ВАК должен быть создан своего рода диспетчерский орган, направляющий диссертацию к защите в любое учреждение подходящего профиля, но только не в то, откуда она поступила с рекомендацией. Учреждение, получившее ее от ВАК, назначает двух (не более) оппонентов для изучения ее и в случае хотя бы одной положительной рецензии об'являет о публичной защите. Имена оппонентов, а тем более их отзывы, должны оставаться соискателю неизвестными до оглашения их во время защиты.

А. КАЙГОРОДОВ,
действительный член Академии наук БССР.

Необходимы серьезные изменения

Уже давно ощущается необходимость в радикальном преобразовании диссертационной системы. Свидетельством этого могут служить материалы, появлявшиеся в течение двух последних лет в нашей печати. Откликов на них со стороны Министерства высшего образования, к сожалению, не было.

Мы горячо поддерживаем предложения тт. Френкеля и Конюс, касающиеся изменения порядка защиты диссертаций и введения обязательной переаттестации лиц, имеющих ученые степени. Но мы считаем, что публичную защиту надо сохранить, установив при этом за учеными советами отраслевых институтов и факультетов лишь рекомендательное право с тем, чтобы окончательное решение выносили компетентные экспертные комиссии ВАК.

Нам кажется нецелесообразной отмена публичных защит, так как смысл их, конечно, не во внешней театральности, а в том, что они дают возможность проводить по затронутым в диссертации вопросам широкие дискуссии, помогающие развитию науки и воспитанию молодых кадров.

Мы считаем также совершенно несомненным, что решение о присуждении степени должно выноситься на основе изучения всей деятельности соискателя.

Подавляющая часть наших научных работников честно, творчески оправдывает свое высокое звание, однако имеется немало и таких лиц, которые начинают свою «научную» деятельность в момент подготовки кандидатской диссертации и кончают ее в момент защиты.

Самым важным и особо необходимым мероприятием является периодическая переаттестация кандидатов и докторов наук. Она будет напоминать людям, годами не ведущим научной работы, что ученая степень не только дает преимущества, но и налагает очень серьезные обязательства.

Существующая система подготовки научных кадров через аспирантуру также нуждается в коррективах. Иногда молодой человек зачисляется в ученые, не увидев еще жизни, не проверив себя на практической работе. В этих случаях аспирантура как бы только увенчивает систему образования — школа — институт — аспирантура. Вакансии заполняются теперь, главным образом, людьми, только что окончившими институт и не всегда обладающими способностями к научно-исследовательской работе. Не случайно в нашей печати за последнее время был опубликован ряд материалов, свидетельствующих о неблагополучии с этой «тепличной» формой воспитания ученых. Достаточно сказать, что на 1.020 аспирантов, числившихся в 135 вузах и обязанных защитить диссертации в 1947 г., защитило только 285 человек.

Наиболее правильной формой подготовки научных кадров, с нашей точки зрения, является ассистентура.

Диссертация не может быть первой работой соискателя; она должна подводить итог определенного этапа его творческой деятельности.

Мы считаем нужным установить порядок, при котором ученые степени будут присуждаться специальными комиссиями, но на основании публично защищенной и рекомендованной советом вуза или научно-исследовательского института диссертации. Степень может присуждаться только лицам, имеющим минимально трех-четырехлетний стаж научной работы. При этом учитываться должна вся научная деятельность соискателя. Нужно считать обязательным наличие у него двух-трех печатных трудов. Мы считаем также необходимым периодически, раз в пять-семь лет, проверять работу лиц, имеющих ученые степени, и тех, кто не ведет серьезной исследовательской работы, степеней лишать.

Будем надеяться, что на этот раз Министерство высшего образования нарушит свою политику «невмешательства» и серьезно обсудит предлагаемые мероприятия.

Профессор Н. СИУНОВ,
доцент В. ГАНШТАК

СВЕРДЛОВСК.

Повысить требования к аспиранту

Нельзя не согласиться с авторами статьи «Конвейер диссертаций», критикующими нынешнюю систему подготовки научных кадров. В результате неправильного подхода к делу в аспирантуру часто попадают люди, не обладающие необходимыми данными для ведения научной работы.

В течение трех лет аспирант изучает несколько общеобразовательных и специальных предметов и сдает экзамены. За это же время он обязан написать два-три реферата на темы, назначенные его руководителем, а затем защитить кандидатскую диссертацию. Таким образом, вся подготовка будущего ученого ограничивается рамками, строго определенными учебной программой. Несмотря на то, что по существу своему кандидатская диссертация должна быть результатом научного исследования, как раз исследовательская работа учебным планом и не предусматривается. Поэтому уровень таких диссертационных работ не высок. Авторы статьи совершенно правы, полагая, что аспирантуру надо реорганизовать.

Молодые специалисты, обладающие способностями к научной работе и принятые в аспирантуру, должны быть избавлены от необходимости заниматься по школярской системе. Они должны быть ассистентами своих научных руководителей.

В процессе учебы от аспиранта надо требовать представления нескольких научных работ и обязательно посылать их на отзыв специалистам.

Результатом пребывания в аспирантуре должна быть отнюдь не защита диссертации, а лишь присвоение определенного ученого звания, например, младшего научного сотрудника. Что касается кандидатской диссертации, то она может быть результатом дальнейшей практической деятельности молодого исследователя.

Такое изменение подготовки научных работников, несомненно, принесет хорошие результаты.

Аспирант А. БАРСКИЙ

МОСКВА.

Аттестация кадров советской науки

Авторы статьи «Конвейер диссертаций» Я. Френкель и Э. Конюс, критикуя некоторые ошибки и недостатки, имеющие место в практике присуждения ученых степеней и званий, неправильно характеризуют самое отношение ученых к защите диссертаций. Придуманная авторами и выдаваемая ими за распространенную поговорка — «два часа позора, зато степень на всю жизнь» оскорбительна для советских научных работников. Только бесчестные карьеристы могут руководствоваться таким принципом.

Подавляющее большинство диссертационных работ представляет собой серьезные научные исследования и является значительным вкладом в науку, обогащающим ее новыми теориями, доказательствами и новаторскими предложениями.

Тт. Френкель и Конюс утверждают, что «в большинстве случаев диссертация является единственным основанием для присуждения ученой степени». Это неверно. Соискателей на степень доктора наук, выступающих только с одной научной работой, нет вовсе, а для получения кандидатской степени, как известно, требуется еще сдача государственных экзаменов.

Неубедительно авторы статьи критикуют и легкость выбора темы для диссертации. Дело не в том, легко или трудно «взять тему». Плохо то, что некоторые научные работники уходят от актуальных проблем современности.

Нетрудно, например, судить, насколько актуальна сейчас тема «Историческое значение судебных речей Цицерона и их влияние на развитие ораторского искусства в последующие века». Однако директор Ташкентского юридического института тов. Шамагдиев ходатайствует перед Высшей аттестационной комиссией о разрешении тов. В. Яромышьяну защитить ее на степень кандидата исторических наук.

Среди представленных за последнее время диссертаций по педагогическим дисциплинам отсутствуют работы, затрагивающие современные проблемы воспитания, школьного строительства, разработки воззрений основоположников и деятелей коммунистического воспитания детей и т. д. Зато большое место занимают работы, касающиеся школьных реформ прошлых столетий, изучения взглядов деятелей капиталистической эпохи. Сер'езным недостатком многих диссертаций является отставание в разработке важнейших вопросов советской науки и социалистического строительства.

Ученые советы некоторых институтов и официальные оппоненты нередко проявляют либерализм по отношению к соискателям. За 1947/48 учебный год Высшая аттестационная комиссия отказала в присвоении ученой степени доктора наук 72 лицам, защитившим диссертации.

Есть работы на соискание кандидатской степени, написанные поверхностно, показывающие, что авторы их не обладают способностями, необходимыми для научного творчества. В работах этих нет выводов, представляющих теоретическую или практическую ценность, нет даже и глубокого знания разрабатываемой темы.

В некоторых диссертациях проявляется раболепное отношение к иностранным «авторитетам» и имеет место недопустимое принижение достижений отечественной науки. Ученые советы в ряде случаев не требовали от соискателей работ, проникнутых большевистской партийностью и непримиримостью к низкопоклонству перед иностранщиной.

Авторы статьи «Конвейер диссертаций» предлагают для улучшения дела аттестации научных кадров право присуждения степеней передать «компетентным» жюри из нескольких «авторитетных» ученых. Другими словами, они предлагают отменить установленный в нашей стране порядок, при котором в присуждении степеней принимают участие широкая научная общественность, квалифицированные советские специалисты и государственные органы.

Что нового вносят предложения тт. Френкеля и Конюс? Можно считать, что экспертные комиссии ВАК соответствуют предлагаемому ими «жюри», а всестороннее изучение достоинств соискателя в сочетании с проверкой его знаний на кандидатских экзаменах существует и сейчас. Однако отстранение государственных органов и научной общественности от аттестации имеет принципиальный характер и, несомненно, может вредно сказаться на развитии науки, подготовке и выдвижении молодых ученых.

В каждой отрасли науки имеется немало различных школ и направлений, иногда явно противоположных друг другу. При порядке, предлагаемом авторами статьи, это может способствовать замкнутости и кастовости в научной среде. Можно с уверенностью утверждать, что официальная, господствовавшая ранее генетика никогда не допустила бы в науку таких прославленных новаторов-ученых, как, например, Т. Д. Лысенко.

Совершенно очевидно, что создать «жюри», предлагаемые тт. Френкелем и Конюс, возможно лишь в трех-четырех крупнейших городах Союза. Растущие национальные периферийные центры должны быть, следовательно, лишены права присуждать ученые степени.

Порядок, предлагаемый Я. Френкелем и Э. Конюс, привел бы к резкому ограничению доступа в науку молодым и особенно национальным и периферийным работникам.

В работе по аттестации научных кадров имеются крупные недостатки, о них уже говорилось выше. Однако они не затрагивают самих основ, на которых зиждется аттестация в нашей стране. Постановления правительства «Об ученых степенях и званиях» нисколько не устарели. Существующие недостатки об'ясняются тем, что ученые советы, экспертные комиссии и ВАК иногда допускают нарушения их. Присуждение ученых степеней и званий часто происходит в отсутствие официальных оппонентов или без необходимого кворума ученого совета. К защите допускаются лица, не сдавшие кандидатских экзаменов. В Академии медицинских наук были случаи, когда степень доктора присуждалась при половинном составе ученого совета. Академия архитектуры присудила звание старших научных сотрудников 40 лицам, не имеющим кандидатской степени; а затем эти старшие научные сотрудники без сдачи экзаменов защищали диссертации на получение кандидатской степени.

Защита диссертаций в некоторых институтах проводится без дискуссий и научной критики, официальные оппоненты однобоко, лишь с положительной стороны, характеризуют работы и не показывают их слабых сторон.

Особенно нетерпимы попытки оценивать соискателя не по качеству диссертации, а по принадлежности его самого к определенной школе или по руководителю.

Принципиальная критика и широкие дискуссии являются необходимым условием правильного отбора людей, способных развивать и двигать вперед передовую советскую науку.

Страна испытывает огромную потребность в квалифицированных научных кадрах. Численный рост их должен радовать нас, но требования к научным трудам, представляемым на соискание степеней, должны быть повышены. Установленный же порядок отнюдь не устарел.

А. ДАНИЛОВ,
Ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В Елец приехали артисты

В Елец приехали столичные артисты. Через два часа после того, как появилась большая пестрая афиша с именами Самойлова, Алейникова, Воробьева, Савельевой, в кассе железнодорожного клуба не осталось ни одного билета.

К 9 часам вечера публика до отказа заполнила партер и балкон клуба. Все взволнованно поглядывали на занавес. Он не шевелился. Никаких следов приготовлений к концерту не было заметно. По залу пронесся слух, что артисты одновременно дают концерт в елецком кинотеатре «Ударник». Прошло более часа, зал опустел. Публика вышла на улицу... Вдруг раздались восклицания: «Приехали, приехали!» И снова в зале оживление. Бурными аплодисментами встречает публика появившегося на сцене Евгения Самойлова. Затем Вера Савельева поет русские песни. И вдруг конферансье об'являет: «Концерт окончен!»

Где же Алейников, Воробьев, где другие артисты, о которых сообщала афиша, обещая нам «большой концерт»? Оказывается, они уже уехали.

Обманутая и разочарованная публика молча разошлась по домам. Не знаю, какое мнение у столичных артистов о маленьком Ельце, но могу твердо сказать, что они не уважают зрителей.

И. КОПЫТИНА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«РЕДЕЮТ РЯДЫ КНИЖНИКОВ»

Об'единение государственных издательств при Совете Министров СССР считает статью тов. С. Поливановского «Редеют ряды книжников», опубликованную в «Литературной газете» № 56, весьма актуальной и своевременной.

Действительно, положение с кадрами книготорговых работников тяжелое. Несмотря на то, что 70 процентов директоров магазинов имеют низшее и незаконченное среднее образование, за годы войны ликвидированы все книготорговые учебные заведения, а помещения их заняты различными учреждениями.

Сейчас Огиз принял меры для организации двух техникумов и вечернего техникума книготорговли, 10 школ книготоргового ученичества, заочного техникума, заочной школы книготоргового ученичества и сети курсов по подготовке и переподготовке книжников.

Для обеспечения нормальной работы новых учебных заведений составляются учебные планы и программы.

В центральном аппарате Когиза создается отдел подготовки кадров, возобновлено издание бюллетеня «Советская книжная торговля».

В. ОСЬМИНИН,
заместитель заведующего Огизом.

Новая газета и ее «почитатели»

11 июля 1948 года в Москве вышел первый номер газеты «Патриот Родины»— органа добровольных обществ содействия Армии, Авиации и Военно-Морскому Флоту. Советские люди с горячим одобрением отнеслись к созданию новых обществ, сотни тысяч трудящихся уже вступили в их ряды. Естественно, что с большим интересом было встречено всеми сообщение о выходе новой газеты, опубликованное в нашей печати.

Своеобразный интерес проявил к этому событию и Мосгорисполком. 12 июля, т. е. весьма оперативно, он откликнулся на выход «Патриота Родины» приказом своего госарбитра т. Фельтенштейн за № 2—1400 о... выселении редакции газеты из занимаемого ею помещения.

За дело, видимо, взялись всерьез, потому что редакция, две недели спустя, получила еще один — и довольно безграмотный — документ:

«Предупреждение. Предлагаю освободить занимаемое Вами помещение в 10-дневный срок, в случае неосвобождения добровольно, то 4 августа в 10 часов утра будете выселены принудительно. Судебный исполнитель 5-го участка Бауманского района Грачев».

Итак, через несколько дней редакция со всем своим хозяйством вынуждена будет раскинуть лагерь и выпускать газету на одной из московских улиц.

Советские журналисты умеют работать в любой обстановке. Об этом хорошо известно из практики газетной работы на фронте. Но так ли уж необходимо сейчас ставить во «фронтовые условия» редакцию центральной газеты?

Нам кажется, что факт этот в истории советской печати беспрецедентный. Позволительно спросить товарищей из Мосгорисполкома, какими соображениями они руководствовались.

И. ИЛЬИН

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Дорогие черты

«Ох, и крепкой же мы марки, легированной, нержавеющей, и такие закалки прошли, что ни на удар, ни на излом, ни на сжатие, ни на скручивание не поддаемся», — так говорит о советских людях один из героев Бориса Полевого. И эти слова с полным правом можно поставить эпиграфом ко всему циклу рассказов, связанных единым замыслом. Писатель задался целью показать духовные качества советского человека, прошедшего на войне испытание огнем, как сталь самой высокой марки. Автор еще в предисловии спешит предупредить читателя, что в его книге нет ни строки вымысла, что герои его живые, реальные, невыдуманные люди, этим самым стараясь подчеркнуть всю достоверность своего повествования. Это — своеобразные дневниковые записи. Вы, наверное, встречались с этими людьми в военное время где-нибудь на зеленом попутном грузовике, в разрушенной прифронтовой деревне или в брезентовой палатке полевого госпиталя.

Свершение подвига не является для них чем-то исключительным и необычайным. Да и вряд ли они сами догадываются, что в эту минуту совершают героический поступок. Тяжело раненые, остаются вместе на поле боя два фронтовых дружка, два побратима — сержант Наумов и рядовой Киносьян. Киносьян предлагает Наумову бросить его одного в укрытии и постараться дополэти к своим. «Кто же я, по-твоему, ежели ты мне такое оскорбление наносишь? Чтобы я, Красной Армии сержант, чтобы я, советской земли человек, да раненого товарища бросил?» — взволнованно отвечает артиллерист Наумов. Так говорит боец нашей армии, но так же говорит и скромная колхозница Екатерина Федоровна Евстигнеева. Она укрывает в своей избе еврейскую женщину, потерявшую на войне детей и мужа. За укрытие евреев немецкая комендатура грозит тюрьмой и смертью, и бездомная беженка решает покинуть свой случайный приют. Вот как рассказывает она сама о том, что ответила ей Екатерина Федоровна: «Она сказала... что я выжила из ума, если думаю, что она, колхозница, живого человека на растерзание зверюкам выбросит, чтобы самой шкуру спасти... Она сказала, что плохо, должно быть, меня советская власть воспитала, если я смею о ней так думать...»

Немецкий офицер хочет, чтобы колхозный сторож Матвей Кузьмин, знающий лесные края, провел бы фашистских солдат в тыл нашей армии. Он предлагает деньги этому седому, одинокому и угрюмому человеку, надеясь, что подобрал, наконец, ключ к его душе, «старый добрый ключ, который открывал немцам сердце во всей Европе». На этот раз покупка не состоялась! Матвей Кузьмин уводит немцев в лес и сообщает о них партизанам.

Не менее сильное впечатление оставляет рассказ Полевого «Мы — советские люди», давший название всему циклу. Это рассказ о неизвестном русском летчике, подбитом в глубоком немецком тылу и попавшем в плен. Вот он лежит в гипсе, с отяжелевшей от бинтов головой, с глазами, горящими из-под белой марли неутолимой яростью и презрением к врагу. Стоит ему только сказать немцам несколько слов, и он будет спасен. Но летчик предпочитает молчать, и розовощекий гитлеровский генерал в недоумении спрашивает его: «Почему в России никто не сдается?» «Потому что мы — советские люди», — коротко отвечает летчик.

Задавшись целью рассказать о наших людях на войне, Полевой, естественно, пришел к Сталинграду. Сюда, к разрытому снарядами правому берегу Волги, будут еще не раз обращаться историки и писатели, находя здесь имена и поступки, пред которыми бледнеют предания давних времен. Нам надолго запомнится полуразрушенный дом, обороняемый двумя советскими воинами и получивший в Сталинграде название «Редут Таракуля». Почерневшие от пыли и копоти, с губами, сухими от жажды, два человека обороняли этот редут против целого батальона немецкой пехоты. Немцы бьют по окнам прямой наводкой, забрасывают дом фугасками, и когда, наконец, дом не выдерживает и рушится, заживо погребая двух воинов, наглухо закрывая все входы и выходы из подвала, один из них тревожно спрашивает: «Могила!» «Нет, это — дот!» — отвечает второй и быстро ложится к ручному пулемету.

Даже умирая, советский гвардеец чувствует себя в строю. Лишенный возможности сам взять в руки оружие, рядовой Начинкин в полубреду наказывает своему товарищу: «Человек не должен умереть, пока он не сделал все, понимаешь?» По воле двух героев этот дом превращается в крепость, которую нельзя ни взять штурмом, ни обойти стороной. И выходит так, что там, где стоит советский человек, там и возникает неприступный редут, там и проходит линия обороны.

Кровное родство, нерасторжимая дружба, чувство единой семьи связывают всех советских людей, о которых рассказывает Борис Полевой. Татарин Галаулин, казах Нахтангов и русский Ступин побеждают только потому, что они верные друзья, и там, где не под силу одному, там справляются трое. Это чувство преданности, взаимовыручки и фронтового братства Полевой подчеркивает всюду — и в «Редуте Таракуля», и в «Побратимах», и в «Рождении эпоса», и в рассказе «Горсть земли».

Верность партии вдохновляет людей на подвиг. В самый трудный час герой обращается к коммунистам, уцелевшим в редеющей роте, зная, что здесь он всегда найдет поддержку и помощь. Живое слово партии, номер «Правды» с речью товарища Сталина помогают патриотам собрать в тылу у немцев грозные силы для борьбы с захватчиками (рассказ «Номер «Правды»). Весть о найденной газете быстро разносится по селам. Ходоки идут сюда за тысячи верст, чтобы переписать сталинскую речь и своими глазами увидеть дорогие страницы «Правды». В этом секрет непобедимости нашего народа.

Из одного только короткого пересказа вы можете составить представление о том, сколько интересных имен и событий включил Полевой в свою книгу. По форме эти рассказы очень просты и ясны, лишены всяческих прикрас, большинство рассказов начинается с точного указания времени и места действия. Полевой старается сообщить о герое самое главное, самое важное и значительное. Не все рассказы здесь равноценны. Есть среди них и слабые, в которых описание подвига передано несколько схематично, как в газетной заметке или в наградном листе, без раскрытия образа человека, совершающего героический подвиг. Таковы «Разведчики», «На волжском берегу», «Знамя полка», «Сапер Николай Харитонов» — рассказ, важный для всего цикла, как бы перебрасывающий мостик из войны в наши трудовые дни, но слабый и суховатый по исполнению. Хотелось бы прочесть более яркий рассказ на эту тему.

Несмотря на отдельные недостатки, мы с интересом читаем новые рассказы Бориса Полевого, узнавая черты и приметы нашего героя, вглядываясь в его строгое и прекрасное лицо, освещенное заревом Великой Отечественной войны.

Борис Полевой. «Мы — советские люди» (Были Великой Отечественной войны). «Советский писатель». 1948. 307 стр.

Путаные речи с „трибуны писателя“

◆ **А. НИКОЛЬСКАЯ** ◆

В «Трибуне писателя» журнала «Звезда» (№ 6) напечатана статья П. Вершигоры. Имя автора столь популярно, что статья его невольно привлечет читателя. Да и сама тема этой статьи — «О «бывалых людях» и их критиках» — сулит много интересного.

У нас было немало отдельных рецензий, посвященных запискам, воспоминаниям, книгам «бывалых людей». Но, к сожалению, в нашей критике нет еще обобщающих, глубоких работ, в которых все эти произведения были бы рассмотрены, как примечательное, новаторское качество нашей литературы и нашей жизни. По своей теме статья П. Вершигоры обещает быть именно такой статьей.

Однако читателя ждет глубокое разочарование. П. Вершигора обманул его ожидания. С первых же строк его статьи прежде всего неприятно поражает столь не свойственный ее автору тон — брюзжащий, недовольный.

По мнению П. Вершигоры, «бывалых людей» подстерегают на творческом пути величайшие опасности. Со свойственным ему темпераментом П. Вершигора об'являет о том, что существует якобы «заговор молчания о литературных достоинствах и недостатках произведений «бывалых людей». Этот «заговор молчания», — пугает читателя автор статьи, — носит прямо-таки злодейский характер, цели его самые низменные, а средства достижения этих целей преступные. «Фарисействующая критика, — пишет П. Вершигора, — дает бой жанру «бывалых» исподтишка, без особого шума: стараясь не поднимать вопроса, как говорят, на принципиальную высоту, а намереваясь просто замолчать первые записки фронтовиков, вскользь отметить их слабости, а главное — умалить их значение».

Из-за чего же поднял эту панику на трибуне писателя П. Вершигора? Может быть, мы и впрямь просмотрели какую-то угрозу, существующую для всеми нами любимых произведений «бывалых людей»?

У нашей критики, действительно, много недостатков. Однако трудно обвинить ее в каком-то злостном недоброжелательстве по отношению к запискам участников войны. О книгах Ковпака, Федорова, Козлова, Игнатова и других появилось немало статей в газетах и журналах, о новых авторах говорилось там с большой теплотою. Читатель отлично помнит, с какой радостью были встречены «Люди с чистой совестью» самого П. Вершигоры. Еще книга его не была закончена, еще была опубликована только ее первая часть, а в газетах и журналах уже появились статьи, авторы которых приветствовали нового писателя.

Можно спорить о качестве и глубине этих статей, говорить о недостаточной смелости обобщений и т. д., но для того, чтобы увидеть в нашей литературе какой-то обдуманный «заговор молчания», имеющий целью «исподтишка, без особого шума» уничтожить произведения «бывалых людей», нужно страдать по меньшей мере манией преследования.

Начав ограждать бывалых воинов от небывалых опасностей, П. Вершигора придумывает весьма странную теорию. Резко противопоставляя книги воспоминаний современников всей остальной нашей литературе, он приходит к выводу, что все подлинно правдивое, жизненное, волнующее создается и может быть создано только в книгах «бывалых людей». «Настоящая» художественная литература, как пишет П. Вершигора, так и заковычивая презрительно это слово «настоящая», способна только фальшивить и лакировать действительность. Он старается доказать это на следующем примере:

«На одном высокоответственном совещании, — пишет П. Вершигора, — посвященном судьбам литературы о войне, один известный литератор, проведший всю блокаду в осажденном Ленинграде, жаловался, и не без оснований, что о днях блокады ему невозможно писать правду уже приблизительно с 1944 года, т. е. с тех пор, как литературные и критические каналы наполнились людьми, которые и не нюхали блокады».

Это клеветническое заявление грубо извращает факты действительности. Всем известно, что наиболее значительные произведения о Ленинграде в годы войны, произведения, правдиво изображающие героические будни ленинградцев, появились именно после 1944 года. Сталинской премии за 1945 год удостоены «Пулковский меридиан» и «Ленинградский дневник» В. Инбер. Сталинской премии за 1947 год удостоен роман В. Кетлинской «В осаде». В текущем году опубликован в журнале «Звезда» роман Е. Катерли «Стожаровы», подкупающий своей жизненной правдой.

Каково же отношение П. Вершигоры к этому лживому заявлению «известного литератора»? Оказывается, П. Вершигора целиком подписывается под враждебными измышлениями «известного», но безыменного литератора на «одном высокоответственном», но также не имеющем адреса совещании.

«Почти полное отсутствие большой литературы на достойную и нужную тему героической защиты Ленинграда, — говорит П. Вершигора, — убеждает меня в том, что вышеупомянутый товарищ прав. Грубую (а она всегда грубая, особенно для тех, кто ее не нюхал) правду писать нельзя, а прилизанную «правдочку», которая всегда хуже откровенной лжи, писать пока еще, вероятно, стыдно. А результат? Нет, нет и нет нужной книги о великом подвиге Ленинграда!»

Трудно поверить, что этот злобный выпад против нашей литературы сделан автором «Людей с чистой совестью» — книги, привлекшей и читателей, и критиков именно своей «грубой» правдой. Вспомним, что книга П. Вершигоры, выражаясь его же терминологией, вышла в «литературные каналы» много позже 1944 года, изображенного безыменным литератором, как год трагического перелома для нашей литературы. Автор этой книги имел полную возможность убедиться в том, что произведение умное, талантливое и правдивое не встречает на своем пути по якобы «забитым» каналам решительно никаких преград. Что же побуждает его поддерживать теперь клевету на нашу литературную действительность?

П. Вершигора противопоставляет книгам профессиональных писателей, запуганных и испорченных критикой (как он говорит, «ханжеской критикой»), произведения «необтесанных, не приобретших нужную «обтекаемую» форму бывалых», у которых «всовывание их записок и дневников в прокрустово ложе «настоящей» литературы все еще вызывает острую горечь и боль».

Эти путаные рассуждения по меньшей мере нелепы. П. Вершигора даже не пытается об'яснить, кому, на его взгляд, нужна у нас обтекаемая форма литературных произведений; он не понимает, что книги «бывалых людей» не противостоят нашей литературе, а естественно входят в ее русло, перекликаясь с книгами профессиональных писателей и своим взглядом на жизнь, и отношением к героям, и, прежде всего, своим умением воспроизвести правду жизни. И право же, при всем уважении и любви к воспоминаниям участников войны, трудно согласиться, что все записки «бывалых людей» непременно и во что бы то ни стало рисуют жизнь более правдиво, чем хотя бы такие художественные произведения нашей литературы, как «Белая береза» М. Бубеннова, «Дни и ночи» К. Симонова, «Счастье» П. Павленко, «Спутники» В. Пановой, «Звезда» Э. Казакевича и многие другие.

Но, быть может, П. Вершигора на конкретном анализе произведений «бывалых людей» все же сумел доказать правоту своих взглядов на литературу? Нет, этого не произошло. В его статье говорится только об одном произведении этого жанра — о записках О. Джигурды «Теплоход «Кахетия», которые действительно не получили еще глубокой, всесторонней оценки в нашей критике.

Понятно, что статья В. Лифшица о «Теплоходе «Кахетия» О. Джигурды (журнал «Звезда») — грубая, недоброжелательная, несправедливая — не может не вызвать возмущения. В статье Е. Книпович, опубликованной в «Литературной газете», отмечались многие положительные черты записок, но главное внимание критика было сосредоточено на присущих этому произведению слабостях, что создавало неправильное представление о произведении. Однако Е. Книпович справедливо указывала, что редакция журнала «Знамя» недостаточно внимательно поработала с молодым автором, не помогла ему организовать материал.

П. Вершигора с этим никак не хочет согласиться. Его статья кончается дифирамбом редакции журнала «Знамя». «А если уж и можно заявить какие-либо претензии к редакции «Знамени», — пишет он, — то скорее в том, что редактор там был слишком «внимателен».

Широкому кругу непосвященных непонятно, что кроется под этой фразой и под многозначительными кавычками у слова «внимателен». Ясно во всяком случае, что панегирический тон по отношению к журналу «Знамя» совершенно неуместен. Уж если и адресоваться с упреком к редакторам этого журнала, то надо бы сказать прежде всего о том, что их аполитичность и формалистское эстетство при редактировании публикуемого материала привели журнал к тем ошибкам против правды нашей социалистической жизни, которые были сурово осуждены в нашей печати.

Непонятно, чем руководствовалась редакция журнала «Звезда», предоставив свои страницы для политически вредного выступления П. Вершигоры.

Арамаис КАРАПЕТЯН, кандидат философских наук

Против пережитков буржуазного национализма

Развитие братских советских литератур немыслимо без решительной борьбы с пережитками буржуазного национализма, со всякими проявлениями низкопоклонства перед культурой буржуазного Запада и феодально-буржуазного Востока. Советским литературоведением в Армении многое сделано в этом направлении. Но еще и до сих пор в армянской литературе дают себя знать вредные националистические тенденции, проникшие на страницы многих художественных, историографических и философских произведений последних лет.

Эти тенденции проявились в идеализации прошлого, отрицании классовой борьбы на минувших этапах истории армянского народа, косвенном восхвалении системы феодально-буржуазного строя. В области литературы и историографии восстанавливались буржуазно-идеалистические концепции старых армянских либерально-буржуазных и клерикальных литературоведов и историографов; вместе с тем, в области философии армянские идеалисты — поборники христианства — представлялись как передовые мыслители-материалисты.

В 1940 году, в связи с 20-летием Советской Армении, в Ереване была издана книга Саака Карапетяна «Советская Армения». Книга имела целью ознакомить читателя с огромными успехами, достигнутыми Арменией в условиях советской власти. Автор счел необходимым предпослать этому исторический обзор прошлого, начиная с происхождения армянского народа.

Естественно, что в таком обзоре должно было быть рассказано о важнейших этапах в истории армянского народа, о тяжких его лишениях не только под игом чужеземных завоевателей, но и под гнетом собственных царей и князей. Но вместо того — вопреки ожиданиям и вопреки исторической правде — в обзоре было одно огульное восхваление армянских царей и князей. Не было даже упоминания о классовой борьбе в годы их царствования, не было ни слова, говорившего о том, что эти цари и князья являлись эксплоататорами. Самого жестокого царя Тиграна II автор об'являл «одним из крупнейших, прогрессивных царей истории Армении», несмотря на то, что даже армянские историки V века с содроганием рассказывали о бесчинствах этого коронованного деспота.

Таким образом, антимарксистская, безграмотная, с точки зрения исторической науки, книга была воспринята в качестве «директивной» и бездумно превозносилась в печати, в устных публичных выступлениях.

Немудрено, что после этого появились романы, стихотворения, «исследования», трактовавшие историю и деятелей прошлого в таком же духе. В области истории, физиологии, художественной литературы началось такое превозношение царей, какого не было даже в досоветский период.

Прямо откликаясь на слова С. Карапетяна о Тигране II, как «самом крупнейшем, прогрессивном царе», поэт Шираз представил горы Армении «вечными шатрами» Тиграна Великого.

Многие другие произведения Шираза в подобном же тоне воспевали прошлое, некоторые носили откровенный религиозно-мистический характер. Поэт С. Таронци опубликовал сборник стихотворений «По огненным дорогам», представлявший собою галлерею царских и княжеских портретов.

Тот же пресловутый Тигран II, по словам поэта, «сохранил неот'емлемый дух своего этноса (народа. — А. К.), утвердив его навсегда, на все времена». О царе Артавазде в сборнике писалось:

Из глубины веков минувших
Мне чудится прекрасный свет —
Великий факел Артавазда,
Что был владыка и поэт.

Такие же восхваления адресовались парям Трдату, Аршаку II, Папу, Гагику II, всем князьям и высокопоставленным феодалам. Поэт Х. Даштенц посвятил опять-таки Тиграну II драматическое произведение, в котором, грубо искажая историю, идеализировал рабовладельческий строй. Писатель Д. Демирчян выпустил двухтомный роман «Вартаниды», прославлявший церковь.

Писатель В. Хечумян многие рассказы посвятил воспеванию частнособственнического уклада давних времен.

Во всех этих произведениях, посвященных прошлому, воскрешались лживые концепции буржуазно-клерикальной историографии, утверждавшей, что в прошлом Армении якобы существовал «золотой век». Зарубежная армянская фашистская (дашнакская) печать не только опубликовала у себя многие из этих произведений, но и выступила в защиту проповедуемых ими националистических идей.

* * *

В 1940 году появилась книга М. Нерсисяна «Народнические группы в Закавказье». Автор книги, опираясь на архивные данные царской полиции, принятые им за абсолютную истину, изобразил в единстве все разнородные политические направления 70—90-х годов в Закавказье. Таким образом, оказались смешанными в одну кучу интеллигенты-разночинцы, народники и от'явленные националисты Закавказья, в том числе дашнак Симеон Заварян, Лорис-Меликян и многие другие, кто фактически ничего не имел общего с каким бы то ни было революционным движением.

Кстати, говоря о людях подобной категории, автор даже не указывал, что они впоследствии скатились в лагерь наиболее ярых дашнаковцев. М. Нерсисян и в последующих работах высказывает упорное стремление «не видеть» никаких реакционных течений во всей истории Армении. Более того, в статьях и публичных лекциях он пытался изобразить представителей реакционнейшей монашеской конгрегации мхитаристов — в частности монаха Инджиджяна — как просветителей. Вольно или невольно М. Нерсисян повернул правее либерализма, ибо даже армянские либералы считали Инджиджяна реакционером.

Другой «историограф» — Элчибекян представил в своей статье заядлого врага революционного движения народов России — царского министра Лорис-Меликова героем армянского народа... лишь на том основании, что по происхождению он был армянином. Критик О. Газарян, игнорируя реакционные течения в армянской литературе, изобразил в статье патриотами всех писателей от древнего летописца Моисея Хоренского до советского поэта — коммуниста Акопа Акопяна.

Нетрудно понять, что за всеми этими извращениями таилась попытка протащить националистическую теорию «единого потока» в развитии истории и культуры армянского народа. Вредная эта теория еще ярче проявилась в литературоведении — и прежде всего в трехтомном учебнике «История армянской литературы», выпущенном в 1940 году и об'явленном тем же С. Карапетяном большим достижением.

Первый и второй томы учебника, составленные Мкряном и Р. Заряном, посвящены истории литературы досоветского периода, третий том, написанный А. Асатряном, — литературе советских лет. При этом развитие всей армянской литературы представлено как единое и цельное прогрессивное движение. Классового анализа литературы не дано: в первом томе тщательно исключено даже слово «класс». Никаких реакционных течений в литературе не отмечается: все писатели охарактеризованы в качестве певцов освободительных битв армянского народа.

В разделе о средневековых духовных писателях, составленном Мкряном, все они. по воле автора, выступают как просветители-материалисты, а историки — как представители народа. Как только авторы учебника обнаруживают в средневековой литературе светский элемент, они делают заключение, что это — материализм.

Третий том, посвященный советской армянской литературе, крайне беден, носит лишь информационный характер, как и вся книга. По ней нельзя составить представление о том принципиально новом, что внесли в литературу советские писатели. Авторы всех трех томов явно путают понятие советского патриотизма с буржуазным патриотизмом. Армянских писателей-националистов они выдают за истинных патриотов, умалчивая об их национализме.

«Армянской народной поэзии, — читаем в учебнике, — присущ один мотив, связанный со страннической жизнью армян: это эмигрантский мотив отрыва от родины, тоски по родине». В этом духе характеризуется, в частности, творчество Р. Патканяна и совершенно не упоминается о том, что он был одним из самых ярких выразителей армянского национализма. «Использование народного языка и песни, — говорится в учебнике, — углубление страннического мотива, идея необходимости об'единенной жизни для армянского народа, все это — элементы национального самосознания, которым были проникнуты передовые деятели 60-х годов и в том числе Патканян».

Но в 60-х годах развернул также свою деятельность выдающийся армянский революционер-демократ М. Налбандян. Без тени колебания авторы учебника приравнивают к нему в качестве «передового деятеля» и националиста Патканяна. Они ни слова не говорят о том, что как раз М. Налбандян и многие другие писатели острие своей борьбы направляли против эксплоататорских слоев армянского общества — против духовенства и помещиков. В учебнике вообще предана забвению многовековая борьба армянского трудового народа против эксплоататорских классов, хотя она находила яркое отражение в армянской литературе.

В 1945—46 г. в Ереване вышла двухтомная «История древне-армянской литературы» М. Абегяна. Правда, в этом труде впервые собран обширный фактический материал, что является несомненной заслугой автора. Но если бы не была указана дата издания книги, было бы трудно определить, напечатана она сейчас, или полвека назад, настолько архаична и несовременна ее концепция.

Историю армянской литературы автор разделил на четыре периода, исходя из принципа, по которому вся эта литература является не чем иным, как летописью борьбы против иноземных завоевателей. Армянская литература в этой книге, как и в предыдущих, представлена цельным прогрессивным движением. Автор совершенно игнорирует ленинское учение о двух культурах — культуре демократической и культуре буржуазно-помещичьей, о тенденциях революционно-демократических и реакционных тенденциях в культуре одной и той же нации.

Вся армянская литература является литературой церковно-политической борьбы, интересы армянской церкви связаны с интересами армянского народа, в литературе дворянства блеснул «особый гений» армянской нации, — вот основы концепции М. Абегяна.

Излишне доказывать, что такая концепция не имеет ничего общего с марксистско-ленинской наукой. Это была и есть концепция армянских буржуазных историков-идеалистов.

Несмотря на это, до сих пор не произнесено ни одного критического слова по поводу этих порочных учебников. Наоборот, труды М. Абегяна почитаются лучшим пособием для изучения истории литературы, а его концепция выдается за марксистскую.

В специальном исследовании Х. Саркисяна «Манук Абегян и история древне-армянской литературы», выпущенном уже после исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, говорится: «Квинт-эссенцией, стержнем литературоведческой концепции и литературоведческой практики Абегяна является историчность». Как можно, однако, говорить об историчности, совсем не принимая во внимание классовую борьбу, производственные отношения, другие социальные условия!

В своем исследовании Х. Саркисян монахов-мхитаристов Гатрджяна, Зарбаналяна и других изображает как просветителей, выразителей передовых общественных идей 60-х годов, а «армянские монастыри — как весьма важные просветительные центры». Церковников-реакционеров он считает «творческими силами», на исследованиях которых, якобы, лежит «печать под'ема 60-х годов и освободительного духа 1905 года». Саркисян настолько увлекся этим своим «открытием», что упустил из виду простую вещь: «освободительный дух 1905 года» не мог повлиять ни на исследователей 60-х годов, ни тем более на реакционных монахов-мхитаристов.

Удивительно, что с хвалебными рецензиями на этот учебник сочли возможным выступить также проф. А. Дживелегов и проф. И. Кусикьян, использовав для этого страницы журнала «Советская книга» (№ 2, 1947 г.).

Нельзя не сказать еще об одной вышедшей в Армении литературоведческой книге, представляющей собою своеобразное резюме всех националистических теорий «золотого века» и «единого потока» в армянской культуре. Это книга Е. Тер-Минасяна, которая так и называется «Армянская литература золотого века». Самый термин «золотой век» выдвинут армянскими буржуазными историками для характеристики некоторого духовного под'ема в жизни страны в V веке. Тер-Минасян употребляет этот термин не в условном, а в буквальном смысле и в таком именно свете рисует действительность и творчество писателей V века.

Первая часть книги Тер-Минасяна о литературе фактически перенесена из его же выпущенной до революции работы по церковной истории. Без христианства, по мнению Тер-Минасяна, армянский народ «перестал бы существовать, как национальная единица». Подлинная история Тер-Минасяну — не закон; для него не имеет значения, что армяне потеряли свою государственность в V веке, то-есть, именно после принятия христианства.

Очевидно, что ничего научного в этой поповской, антиисторичной книжке нет. Тем не менее, она была издана в 1946 году.

* * *

Националистические тенденции проявились и в некоторых работах, изданных сектором философии Академии наук Армении. Таковы, прежде всего, об'емистые статьи «Об истории армянской философии в период возрождения» В. Чалояна и «Из эстетики древней Армении» А. Адамяна. В своей статье, как и в исследованиях о Езнике Кохпском и Давиде Непобедимом, Чалоян рисует древнюю Армению идеальным центром мира.

Говоря о трех условиях философского ренессанса, он пишет: «Окончательно оформившиеся в условиях Армении восточные еретические учения были распространены последователями павликийцев и тондракийцев по всему миру. Они появились в Месопотамии, Сирии, Византии, Болгарии, в странах южной и центральной Европы. В славянских странах это учение называлось «армянской еретикой», в Италии — «катарами», во Франции — «альбигойцами» и т. д.». Таким образом, все крестьянские движения в мире Чалоян представляет как явления армянского происхождения. По Чалояну, одна из предпосылок западного ренессанса — армянская еретика. «Всюду, где появлялась еретика, главарями движения оказывались армяне, даже в далекой Киевской Руси».

Наций, целиком мыслящих только материалистически или только идеалистически, не существует; между тем, т. Чалоян выдает в той же работе армян за нацию, которая обладала традиционно-материалистическим пониманием, и одним из представителей такого понимания выставляет, в частности, Давида Непобедимого.

В работах Чалояна и Адамяна совершенно игнорируется классовый характер общественного строя прошлых времен, классовость науки. «Национальная традиция» — их единственная отправная, исходная точка зрения.

Не далее как в прошлом году А. Адамян опубликовал новую большую статью «Эстетика как социальная наука». В этой статье он открыто преподносит армянским читателям взгляды современных неокантианцев, представителей нормативной школы в эстетике, их суб'ективный идеализм. С помощью всевозможных софистических увертох в статье фактически отрицаются классовая сущность искусства, классовый долг писателя перед народом.

Все эти факты говорят о глубоком проникновении националистических тенденций в армянскую литературу, о живучести этих тенденций еще и поныне.

ЦК КП(б) Армении, партийными организациями, советской общественностью республики проведена уже известная работа по разоблачению этих тенденций. Однако многие националистические извращения в работах армянских историков, литературоведов, философов, писателей еще не подвергнуты сколько-нибудь серьезной критике. Задача состоит в том, чтобы еще шире развернуть повседневную, систематическую борьбу с пережитками буржуазного национализма. Вредные националистические «теории» должны быть до конца развенчаны и вытравлены из нашей литературы.

О. КУРГАНОВ

Коричневый дурман

1.

Во время второй мировой войны к члену американского конгресса от штата Миссисипи Джону Ренкину явился молодой человек и предложил широкий и тщательно продуманный план пропагандистской деятельности в пользу фашистской Германии. Молодой человек назвал себя «фанатичным агентом пятой колонны» в Соединенных Штатах Америки. Для того, чтобы убедить в этом Джона Ренкина, как бы в качестве пароля молодой человек произнес имя Эдуарда Салливана.

Джон Ренкин принял «фанатичного агента» в своем кабинете сенатора, в Вашингтоне. Он проявил поразительный интерес к фашистским идеям. «Надо убедить американский народ, — сказал Джон Ренкин, — что войну затеяли «красные». Распространите эту версию по всей стране, и мы выиграем...» Вся беседа Ренкина с «агентом пятой колонны» была посвящена возможности использования фашистской пропаганды для борьбы с демократическими силами в Америке. Ренкин не скрывал своих убеждений, и, может быть, мы бы никогда не узнали о его замыслах, если бы молодой человек в самом деле был «фанатичным агентом» гитлеровской Германии. Дело в том, что за спиной этого «агента» стоял известный американский прогрессивный журналист Альберт Кан, который во время войны был редактором еженедельника «Час», занимавшегося разоблачением секретных фашистских агентов и их сообщников в Америке. Молодой человек, явившийся в кабинет конгрессмена Джона Ренкина, в Вашингтон, был помощником Альберта Кана.

Теперь обо всем этом Альберт Кан поведал американскому народу в острой разоблачительной книге «Предательство в конгрессе». «Время, истекшее с тех пор,— пишет Кан, — не умалило значения замыслов Джона Ренкина. Наоборот, теперь они приобрели еще более зловещий характер. Коричневый дурман проник в американский конгресс. Ренкин является одним из вожаков комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, — и, по сути дела, именно на нем лежит ответственность за ее существование. В течение последних лет эта комиссия конгресса опутывала ложью американский народ. Под циничным предлогом борьбы с подрывной деятельностью комиссия развернула жестокую кампанию против американских демократических сил... Подонки преступного и политического мира являются шпионами и «экспертами-свидетелями» комиссии. Клевета, запугивание, инсинуации, шантаж и черные списки — таковы основные методы ее деятельности. Как это ни кажется невероятным, но именно эта имеющая позорную известность комиссия играет ведущую роль в определении и осуществлении всей правительственной политики Соединенных Штатов Америки». Теперь, через широко раскрытые Трумэном двери, коричневый дурман уже проник в Белый дом, и все чаще резиденцию американского президента называют в народе Коричневым домом.

Альберт Кан известен в Америке и за границей своими исследованиями в области тайной дипломатии и подрывной деятельности агентов международной реакции. Он окончил Дартсмутский колледж и получил премию литературной корпорации Кроуфорд-Кеммел. В 1939 году Альберт Кан исполнял функции генерального секретаря Американского совета по борьбе против нацистской пропаганды; в то время этот совет возглавлял Вильям Додд, бывший посол Соединенных Штатов Америки в Германии. В соавторстве с Майклом Сейерсом Кан написал (изданные и в СССР) книги — «Тайная война против Америки» и «Тайная война против Советской России». Новая книга Кана «Предательство в конгрессе» продолжает все ту же линию борьбы с фашизмом и реакцией в Америке. Но если в предыдущих книгах автор разоблачал фашистских агентов и их сообщников, то в своей новой работе он бросает обвинение американскому конгрессу и президенту, которые оказались во власти коричневого дурмана и ведут Соединенные Штаты «по пути фашизации».

2.

Альберт Кан посвящает свою книгу так называемой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он устанавливает связи комиссии с гитлеровской Германией во время войны и с фашистским движением в Америке.

Я упомянул имя Эдуарда Салливана — несколько лет назад оно открыло помощнику Кана дорогу к Джону Ренкину. Теперь Кан знакомит нас с Салливаном.

В те дни, когда фашистские дивизии перешли границы Польши, начав вторую мировую войну, поверенный в делах германского посольства в Вашингтоне доктор Ганс Томсон направился в Питсбург, где жил Эдуард Салливан. В этом не было ничего удивительного — Салливан еще в 1933 году примкнул к фашистскому движению в Америке. Через год, в 1934 году — он выступал на митинге «Немецко-американского бунда» в Турин-холле, в Нью-Йорке. Салливан произнес неистовую антидемократическую речь, которую собравшиеся на митинг фашисты встретили бурной овацией и криками: «Хайль Гитлер». В августе 1936 года на конференции фашистских пропагандистов, которая состоялась в Ашвилле, в Южной Каролине, Салливан уже выступал как «фюрер». Американская печать тогда сообщила, что выступление Салливана было таким, «каким бы его сделал сам Гитлер». Ко всему этому следует добавить, что Салливан в 1932 году дважды судился за воровство и два раза за дебош.

И вот этот-то Эдуард Салливан был назначен главным следователем комиссии по антиамериканской деятельности и вскоре стал ее «идеологом». Вместе со своим ближайшим помощником, бледнолицым южанином Робертом Стриплингом, он прятал фашистских агентов, преследовал прогрессивных деятелей, вел ту фашистскую пропаганду, против которой он якобы должен был бороться. Начиная с 1938 года, когда возникла эта комиссия под председательством Мартина Дайса, перед главными следователями Салливаном и Стриплингом в зале заседаний конгресса прошла бесконечная и мрачная шеренга фашистских преступников, провокаторов, ракетиров, фашистских пропагандистов, предателей, гангстеров. Но все они выступали здесь не в качестве обвиняемых, а как «эксперты» по делам демократических организаций и их деятелей. В то же время эти «эксперты» и фашистские агенты — Питер Инес, Вильям Мак Куистон, Вильям Новел, Артур Томас, Вильям Джерней — получали здесь у Салливана и Стриплинга официальное признание их полной лояльности.

Да, Джон Ренкин имел все основания быть откровенным при упоминании одного имени Эдуарда Салливана, это был верный человек.

Дайс, Салливан и Стриплинг с необычайным упорством оберегали от разоблачений фашистскую организацию Джона Кемпа, которая была создана в Америке агентами гитлеровской Германии с единственной целью — «подорвать верность, дисциплину и моральное состояние армии и флота США». Более того, на митинге лиги Кемпа в Ашвилле с фашистской речью выступал все тот же Эдуард Салливан. Между комиссией Дайса и лигой Кемпа был заключен тайный союз. «110 фашистских организаций в США имели и имеют ключ от черного хода комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», — писала тогда американская печать.

Открытая фашистская пропаганда деятелей этой комиссии во время войны была столь злобной, что тогдашний вице-президент Генри Уоллес выступил по этому поводу со специальным обращением к американскому народу. «Если бы сейчас не было войны, — писал Уоллес, — то эту тактику можно было бы принять за бред безумца. Но война идет, и действия комиссии Дайса, вызывающие недовольство американского народа, могли бы равным образом исходить от самого Геббельса. Если бы Дайс находился на содержании у Гитлера, то его влияние на умы американцев было бы несомненно меньше...»

Дайс, Салливан и Стриплинг почувствовали, что почва колеблется у них под ногами. Три члена комиссии провалились на выборах. Во избежание крупных и скандальных разоблачений Мартин Дайс пожелал «уйти в тень», как выразился Салливан. Казалось, фашистской комиссии нанесен серьезный удар. Но тогда «из-за кулис на сцену» вышел человек, все время находившийся «в тени». Это был Джон Ренкин. «Я подхватил знамя борьбы, когда Дайс его выпустил из своих рук», — цинично заявил Ренкин в речи по радио 15 января 1945 года. Он добился принятия законопроекта, согласно которому комиссия реорганизовывалась в постоянный орган при конгрессе. А с приходом Трумэна в Белый дом комиссия получила неограниченные полномочия. Парнелл Томас и Джон Ренкин возглавили комиссию, а ее главным следователем был назначен Роберт Стриплинг, ближайший друг и сподвижник по фашистскому движению Эдуарда Салливана.

3.

Альберт Кан посвятил Джону Ренкину специальную главу в своей книге. Вне зависимости от того, кто является председателем комиссии — Харт, Вуд или Томас, вдохновителем всех фашистских провокаций и антидемократических процессов остается Джон Ренкин. 6 апреля 1944 года делегация ветеранов войны приехала в Вашингтон для того, чтобы преподнести Ренкину медаль в форме свастики «в знак презрения за его роль, которую он сыграл в лишении права голоса военнослужащих в 1944 году». Но зато в те же дни конгрессменом из штата Миссисипи Джоном Ренкином восхищалась фашистская Германия. «Член конгресса Ренкин, — отмечал официальный бюллетень гитлеровской пропаганды «Вельт динст», — является выдающимся американцем». Так Геббельс на расстоянии пожимал руку Ренкина, который, как известно, не остался в долгу перед своим заокеанским единомышленником.

Далеко не случайно главным следователем комиссии оказался Роберт Стриплинг. Именно он поехал в Голливуд, чтобы раскрыть там «заговор красных». На следственных материалах Стриплинга основывалась комиссия Томаса—Ренкина, когда был сфабрикован позорный процесс над выдающимся писателем-антифашистом Говардом Фастом и его друзьями.

Сразу же после войны Томас, Ренкин и Стриплинг организуют огромную антисоветскую кампанию. Ренкин тесно связан с крупнейшими американскими банками и монополиями. Он покупает газеты, радиокомпании, журналы, выпускает антисоветские книги. Он вновь возрождает фашистские лиги, где «фюрером» является все тот же Эдуард Салливан. И порой трудно определить, кто ведет «следствие» — Ренкин и Стриплинг или Салливан.

Альберт Кан приводит в своей книге «образец следствия». Ренкин вызывает «эксперта-свидетеля»—известного фашистского шпиона Вильяма Буллита.

«Ренкин: Правда ли, что в России едят людей?

Буллит: Мне довелось видеть фотографию скелета ребенка, с'еденного его родителями.

Ренкин: Вы сказали, что шестьдесят процентов членов американской компартии не являются американцами. Правда ли, господин Буллит, что коммунисты отправились в Южные Штаты, набрали там негров и отправили их в Москву изучать революцию? Известно ли Вам что-либо о том, что они обучают негров взрывать мосты?

Буллит: Да».

Всю эту злостную клевету, фантастическую белиберду Ренкин передает в печать, газеты публикуют ее под сенсационными аршинными заголовками.

Комиссия Томаса — Ренкина, пользуясь поддержкой президента Трумэна, начинает поход на все гуманитарные, прогрессивные и антифашистские организации. Ренкин об'являет «черный список» этих «подрывных» организаций: Конгресс борьбы за гражданские права, Об'единенный комитет эмигрантов-антифашистов, Независимый гражданский комитет работников искусства и науки, Национальный совет по борьбе с расовой дискриминацией, Комитет борьбы против расовой дискриминации в армии, Национальный совет американо-советской дружбы...

Поводом для преследования Организации ветеранов войны по борьбе с дискриминацией послужило слово «демократия». Главный адвокат комиссии Эрни Адамсон писал, что «в памфлетах и в другой литературе, издаваемой этой организацией, неоднократно упоминается демократия». «Я удивляюсь, — продолжал далее Адамсон, — неужели вы недостаточно знакомы с историей Соединенных Штатов, чтобы не знать, что наш государственный строй не основан на принципах демократии». Официальный отчет комиссии конгресса от 2 января 1947 года поддерживает точку зрения Адамсона: «Подлинная демократия, — пишут Томас и Ренкин,—никогда не могла существовать, как форма правления».

Таковы «идеалы» людей, которые пользуются теперь в Америке неограниченными правами. Они ныне заменяют собой суд и справедливость. С помощью директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера, этого американского Гиммлера, они проводят проверку «лойяльности» миллионов американских граждан. И, наконец, приказ об аресте лидеров американской компартии дополняет картину «коричневого дурмана», который охватил правящие круги Соединенных Штатов Америки. Альберт Кан заканчивает свою разоблачительную книгу обращением к читателям. «Кем бы вы ни были, — пишет он, — какими средствами вы ни зарабатывали бы себе на жизнь, вам непосредственно угрожает комиссия по расследованию антиамериканской деятельности... Комиссия, как таковая, является симптомом страшной болезни — фашистской чумы, угрожающей Соединенным Штатам».

Альберт Кан посвятил свой памфлет комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Но в то же время он как бы дал нам возможность проникнуть в ту область политики Соединенных Штатов, сведения о которой обычно не предаются гласности. Тайные и кровавые нити связывают Ренкина, Стриплинга и его высоких покровителей с фашизмом. Это определяет, как ярко показывает Кан, их внутреннюю и внешнюю политику. Они, американские фашисты, поддерживают все реакционное, враждебное народам и душат все демократическое, прогрессивное. Они идут по телам павших героев и протягивают в Германии и Японии руки их убийцам. Они рубят головы греческим патриотам, они с жадностью ростовщика Шейлока пытаются загнать в кабалу народы Западной Европы. Комиссия Томаса—Ренкина, законопроект Мундта, деятельность Эдгара Гувера и план Маршалла — это звенья одной цепи, с помощью которой они хотят задушить свободу.

Альберт Кан в своей книге не раз напоминает американским фашистам: Гитлер шел тем же путем.

Но будем надеяться, что американский народ, создавший теперь новую прогрессивную партию, продолжающий борьбу за свободу, мир и демократию, еще напомнит Томасу, Ренкину, Гуверу, всем их высоким покровителям и вдохновителям историю начала и конца Адольфа Гитлера.

Сэмюэль СИЛЛЕН,
редактор американского прогрессивного журнала «Мэссес энд Мэйнстрим»

Молчание это предательство

При помощи антикоммунистического закона Мундта фашизму хотят дать возможность быстро развиваться в США в рамках, именуемых «законными» и «демократическими». В силу все сметающих условий этого закона, права, завоеванные американским народом в стапятидесятилетней борьбе, будут отменены. Любая забастовка может быть истолкована, как преступление, как «подрыв торговли и финансов». Сопротивление расправам над неграми может быть об'явлено предательством под предлогом «подстрекательства к расовому конфликту и борьбе». Можно будет запретить все печатные и устные выступления против политики войны, проводимой крупными дельцами, назвав всякое выражение протеста «распространением пропаганды, рассчитанной на подрыв установленной государственной системы и правительства»...

Если сенат примет этот чудовищный профашистский законопроект, американской культуре будет нанесен сокрушительный удар. Преследования передовой интеллигенции разрастутся до таких размеров, что каждый американский писатель и художник, стремящийся показать истинную картину американской жизни и стоящий на стороне Уоллеса, против поджигателей войны, подвергнется репрессиям. Это окажется возможным потому, что законопроект Мундта делает фашизм «легальным».

Этот гнусный вариант старых американских законов «против вражеской и подрывной деятельности» встречает самое решительное сопротивление со стороны демократически настроенной интеллигенции. Сотни художников и писателей, ученых и педагогов, священников и служащих различных политических убеждений заклеймили законопроект Мундта, определив его как попытку реакции «санкционировать законом процесс удушения общественного мнения и общественной деятельности».

Честные сторонники демократии считают, что «мы не смеем молчать, что мы обязаны выступить в защиту прав человека». Ибо молчание сегодня является настоящим предательством. Отказ от борьбы теперь, в этот исключительно тяжелый час, это — ренегатство по отношению к культуре и демократии. Борьба против законопроекта Мундта — борьба за спасение Америки от фашизма.

Голливудская «десятка» прогрессивных деятелей литературы и кино подверглась преследованиям, потому что она осмелилась защищать закон о правах человека. Точно так же тридцать два представителя американской интеллигенции, подписавшие открытое письмо к советским писателям, опубликованное в майском выпуске журнала «Мэссес энд Мэйнстрим», были заклеймены кличкой антиамериканцев за то, что осмелились выступить в защиту мира и дружбы между нашей страной и Советским Союзом. Извращение в печати нашего открытого письма является наглядной иллюстрацией того полного отсутствия совести и чести, которое поджигатели войны выдают ныне за американский патриотизм.

Мы с презрением отвергаем их грубые попытки отождествить стремление к миру с предательством, решение бороться против фашистского насилия — с антиамериканской деятельностью. Ни один представитель интеллигенции, который дорожит своей свободой, не отступит перед потоком их грязной клеветы и угроз.

Что касается нас, то мы с гордостью повторяем: именно потому, что мы любим нашу страну, потому, что мы беззаветно преданы нашим демократическим традициям и интересам своего народа, мы боремся против стремления империалистов привести США к фашизму и войне. Мы будем продолжать эту борьбу, не щадя сил.

НЬЮ-ЙОРК.

Американские душители культуры

Французский прогрессивный еженедельник «Леттр франсез» опубликовал на-днях открытое письмо одного из видных деятелей американской культуры, рисующее положение интеллигенции в США. Зная, каким жестоким полицейским преследованиям может подвергнуться в современной Америке каждый, кто поднимет свой голос против свирепствующего там террора, редакция поместила письмо без указания имени автора.

В том же номере «Леттр франсез» публикуется высказывание крупнейшего современного немецкого писателя Томаса Манна, эмигрировавшего в США после прихода Гитлера к власти.

Мы публикуем эти живые свидетельства о чудовищном преследовании прогрессивной мысли в США.

Вихрь событий в Америке мчится с ужасающей быстротой. Я приведу здесь несколько фактов, из которых вы увидите, в каком положении находятся теперь американские писатели.

Говард Фаст, автор романов «Американец» и «Гражданин Том Пэйн» приговорен к тюремному заключению.

Джон Говард Лоусон, талантливый антифашистский писатель, человек безукоризненной честности, у которого позади долгие годы мужественной борьбы, также приговорен к тюремному заключению, а одновременно с ним и Дальтон Трумбо, блестящий сценарист, автор романа «Джонни получил винтовку», где он страстно выступает против империалистической войны.

Альберта Мальца, чье творчество широко известно, тоже скоро отправят в тюрьму, а вместе с ним Альва Бесси, ветерана войны в Испании, мужественно и честно борющегося в наших рядах.

Все они осуждены за одно и то же преступление — за так называемое «оскорбление конгресса», а это не что иное, как юридическая уловка, намеренно и широко используемая в США как средство для того, чтобы упрятать антифашистов в тюрьму.

Но, в конце концов, не все ли равно, какой использован юридический трюк? Преступление этих людей заключается лишь в том, что они антифашисты. Никто и не думает делать из этого тайну!

К формулам законности прибегают в США для того, чтобы начать следствие по любому делу, но удивительно другое: никто даже не пытается как-то замаскировать самый факт, что в сегодняшней Америке быть антифашистом — это преступление, сурово караемое законом.

Вокруг прогрессивных американских писателей возвели настоящую стену из грубейшей лжи, оскорблений, подлогов. Откройте сегодня любой журнал или газету, и вы непременно найдете там клеветнические нападки на того или другого из этих литераторов.

Когда в ответ на обращение группы советских писателей к американской интеллигенции 32 прогрессивных писателя Америки опубликовали в журнале «Мэссес энд Мэйнстрим» открытое письмо, реакция подняла злобный вой — не было почти ни одной газеты, которая не заклеймила бы их на первой странице, как «изменников».

Голливуд «очистился» не только от передовых идей, но и от идей талантливых. Мы можем выступать теперь только в немногочисленных прогрессивных изданиях. Даже такие литературные журналы, как, например, «Сатердей ревью оф литерачюр», столь кичившийся широтой и об'ективностью своих взглядов, опустили железный занавес, начисто преграждающий доступ к ним передовой мысли.

Такова ситуация, постепенно установившаяся за последние два года в США. Люди, которых мы называем «штабом крупного капитала», бросили против нас все свои силы, и после двух лет яростной пропаганды—равной не знала еще ни одна страна в мире — американская интеллигенция очутилась перед угрозой «холодного террора».

Законопроект Мундта—Никсона, недавно принятый палатой представителей конгресса, резко усиливает существующий террор. Как вы знаете, этот законопроект есть не что иное, как открытое признание фашизма в США.

Отныне в США самый факт выражения любой мысли, которая может быть признана «опасной», карается десятью годами тюрьмы, штрафом в десять тысяч долларов и лишением американского гражданства. Таким образом, каждому участнику забастовки грозит десять лет тюрьмы.

Писателю, написавшему что-либо расходящееся с официальной политикой правительства США, также угрожает десять лет тюрьмы. Любой член любой организации, защищающей демократию или равноправие, находится под той же угрозой. Компартия об'является вне закона, и каждый ее член, а также всякий человек, подозреваемый в каких-либо сношениях с нею, подвергнется десяти годам тюремного заключения и лишению гражданства США.

Это грубое насилие, безумная попытка законодательным путем навязать Америке фашизм есть ответ реакции на возрастающую силу народного движения в нашей стране.

Томас МАНН

ТАК НАЧАЛОСЬ В ГЕРМАНИИ

Я считаю, что невежественное и упорное преследование сторонников политико-экономического учения, которое является творением великих умов, великих мыслителей,—такое преследование унижает самих преследователей. Более того, оно приносит значительный ущерб репутации США, как культурной страны.

Как американский гражданин немецкого происхождения, я заявляю, что некоторые тенденции этой политики мне мучительно знакомы. Идейная нетерпимость, политическая инквизиция, все падающее значение законов, как средства защиты населения, — все во имя якобы существующего «чрезвычайного положения»...

Именно так началось в Германии. То, что за этим последовало, было фашизмом. А за фашизмом шла война.

Лев СЛАВИН

Могильщики Франции

«Могильщики республики» — выражение не новое. В последнее время о нем вспомнил даже такой журналист, как Пертинакс, давая характеристику виновникам поражения Франции.

Еще не так давно казалось, что эта заклейменная в глазах всех честных людей мира компания предателей навсегда исчезла из политического обихода. Одни, как Лаваль, были казнены. Другие, как Петэн, заключены в тюрьму. А их уцелевшие единомышленники, вроде Поля Рейно... несколько дней назад вошли в состав нового французского кабинета.

Могильщики Франции снова у власти.

Здесь и Мейер, представитель американской партии в правительстве. Здесь и Блюм, решивший, что его «песня предателя» еще не допета до конца. Здесь и «социалист» Мок, на совести которого расстрелы рабочих демонстраций. Здесь, наконец, Поль Рейно, самое имя которого стало синонимом предательства Франции.

Непривлекательный политический путь Рейно у всех на глазах. Он был участником реакционных кабинетов Тардье, Лаваля, Даладье.

В траурный для Франции 1940 год Рейно был не только премьером, но и военным министром и привел страну к позору поражения.

Опираясь на поддержку своих покровителей, Рейно пролез в 1946 году в учредительное собрание, несмотря на то, что правительственная комиссия рекомендовала аннулировать избрание Рейно.

Рейно ожил. Он начал часто выступать. Он произносил речи, наглел по мере того, как в Париже усиливалось влияние американских банкиров и генералов. В Азебруке в 1947 году он провозгласил себя сторонником всякого об'единения, имеющего антикоммунистический характер. Рейно уже не считался с тем негодованием, которое вызывали его реакционные заявления во французском народе. Он ценил тот успех, какой они имели у представителей американских монополистов. Известно даже, во сколько он их ценил: за свою дрянную и лживую книжонку «Франция спасла Европу» он получил в США 50 тысяч долларов. Он публично прославлял американские тресты и план Маршалла. А о нынешней конституции выразился, что «Франция породила чудовище, которое не перестает причинять вред».

Новый кабинет, это «правительство, минирующее конституцию», как пишет «Юманите», требует для себя «оружия, каким являются чрезвычайные законы, права подписывать договоры без консультации с парламентом, права наносить удары по рабочему классу и французскому народу в целом, одним словом — права подрывать основы конституции»...

Недаром из 25 членов этого кабинета 10, в том числе Рейно, Мейер, Коти, Ланиэль, Мари и др., в свое время голосовали против конституции.

Ныне Рейно изощряется в любезностях по адресу своего товарища по кабинету «социалиста» Леона Блюма:

«Личность Леона Блюма, — заявил он, — является фактором успеха»...

Комплименты Рейно! Их с негодованием отвергнул бы любой мало-мальски чистоплотный человек.

А Блюм, по словам агентства Франс Пресс, старается «использовать все свое дипломатическое мастерство», чтобы «успокоить своих встревоженных друзей».

Чем же так встревожены правые социалисты? Судьбой Франции? Походом на права трудящихся? Угрозой конституции? Перспективой народного разорения, которое сулит стране план Маршалла?

Нет! Их беспокоит угроза окончательно скомпрометировать себя в глазах народа еще большим усилением контакта с могильщиками Франции и политическими проходимцами вроде Рейно. Есть мрачный юмор в положении этих беспринципных «социалистических» деляг, этих предателей по призванию и по профессии. «Между искушением власти и тоской по оппозиции,—замечает газета «Либерасьон»,— депутаты социалисты в течение более 48 часов танцовали вальс колебаний».

Эти «душевные муки», измеряющиеся двумя сутками, кончились тем, что правые социалисты ринулись к министерским портфелям. Леон Блюм принял пост заместителя председателя совета министров и уселся на одну скамью с Полем Рейно.

Блюм, как и Рейно, испуганный ростом народного возмущения, фактически пытается проложить дорогу фашистской диктатуре де Голля.

Официальный представитель де Голля — Жакоби — уже успел одобрить программу нового кабинета, заявив, что она, в сущности, является программой деголлевского «Об'единения французского народа».

С еще более неприкрытым цинизмом выражается деголлевский орган «Орор»:

«Партии намереваются управлять без де Голля. Но, в конце концов, генерал де Голль будет управлять без них».

Деголлевцы, мюнхенцы, могильщики Франции и их американские покровители удовлетворенно потирают руки, считая, что одержали победу. Но есть и другая сила: народ. Он гневно подымает голос. Со всех концов Франции поступают протесты. Их множество. Они дышат возмущением и волей народа к борьбе за свои права. Протестуют заводы, профсоюзы, сельские общины, рабочие, интеллигенты, рядовые социалисты и католики. Протестуют коммунисты, которых во Франции миллионы.

Парламентская группа коммунистов об'явила, что она, являясь «выразителем чувств всех трудящихся, всех республиканцев, верных духу Сопротивления, подтверждает свою решительную оппозицию правительству, в состав которого входят общеизвестные виновники поражения и вторжения врага... явные противники конституции, верные представители интересов капиталистов» и призывает с неослабевающей энергией продолжать борьбу за свободу, демократию, мир и национальную независимость.

Это голос народа. Народ не хочет быть ни обманутым, ни порабощенным. Он знает, что экономическое и политическое вторжение иноземных захватчиков так же гибельно для Франции, как испытанное ею военное вторжение. Он боролся против оккупантов, вторгнувшихся с пулеметами в руках. Он борется против оккупантов, вторгнувшихся с долларами в руках, и против их политических лакеев всех мастей.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02631.